

СМЕНА

7

1948

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

БЕЗ ДОТАЦИИ ГОСУДАРСТВА

Начало третьего, решающего года послевоенной сталинской пятилетки. Важнейшим валом, выходящим за пределы движения инноваторов производства — движением за рентабельность каждого советского предприятия.

Как известно, в феврале текущего года директор девяти крупнейших заводов индустриальной Москвы обратился с письмом к товарищу Сталину, в котором сообщал, что коллективы их заводов отказались от государственной дотации. Переломной точкой страны они объявили великую войну, что дало толчок государству допустить капитализм, сверхплановые накопления для дальнейшего развития социалистического народного хозяйства.

Этот благодарный порыв советских людей, рассчитанный на бережливость и экономию каждого рубля, каждого килограмма материалов, несет с собой большие возможности нового роста производительности труда.

«Каждое социалистическое предприятие может и должно давать прибыль стране» — эти слова передовых рабочих становятся явным девизом советских людей. И это закономерное, ибо увеличение социалистических накоплений — одна из решающих задач послевоенной сталинской пятилетки.

О том, какие богатые возможности роста нашего благосостояния несет активная борьба за рентабельность, рассказывает не только опыт Москвы. Вот типичный пример опыта Кемеровского коксохимического завода Министерства Черной металлургии. Еще в 1947 году по инициативе стальныхников коллектив этого завода отказался от государственной дотации в 3,5 миллиона рублей. По предложению В. Комарова, на заводе развернуто широкую борьбу за рентабельность

производства, и что ж? Результаты не замедлили сказаться. Первоначально в текущем году программу по всему кругу, коллектив завода в то же время резко снизил себестоимость продукции и дал 129 тысяч рублей прибыли. Только в результате внедрения рационализаторских предложений завод сэкономил 4 миллиона рублей.

Искрометительную роль в борьбе за рентабельность предприятий, за увеличение социалистических накоплений играют комсомольцы, рабочие молодого звена. Широко известны номен сталинградской молодежи, начавшей молодежное движение за экономию на производстве. Центральным Комитет ВЛКСМ в феврале одобрил работу в этой области комсомольских организаций заводов «Красный Октябрь» (Сталинград), «Динамо» и «Серп и молот» (Москва), «Скородяжка» и фабрика «Сектор» (Ленинград) и ряда других. Только за один месяц молодежь рабочих заводов «Серп и молот» сэкономила 60 тонн мазута, 49 тысяч киловатт-часов электроэнергии, выкупила свыше пачка 538 тонн шпата, 140 тонн проката и 246 тонн жести. Такого же примера, на деле показавшего, что может сделать творческая энергия молодежи, ЦК ВЛКСМ в принятую решения призвал комсомольцев и молодежи предприятий примерно показать, как мало бороться за сохранение производственных потерь, рациональное использование основанных и вспомогательных материалов, устранение простоев оборудования, уплотнение рабочего дня.

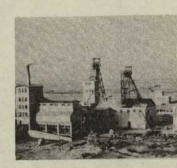
Нечего и говорить, что широкое движение молодежи за экономю и бережливость принесет свои плоды в общей борьбе партии и народа за независимость советских предприятий, за рост богатства нашей страны.

власти Владимир Ильич Ленин вложил в Курск большие, человеческие люди развелили неара земли и открыли колоссальную тайну. Оказалось, что курская земля хранила несметные богатства железной руды. Больше, чем во всех других месторождениях мира, вместе взятых — 24 миллиарда тонн. Здесь были залежи угляника, которые начали давать железную руду.

В законе о пятилетии plainly сказано, что надо расширять геологоразведочные работы... в районе Курской железной руды... чем чтобы подготовить строительство большого завода — 24 миллиарда тонн в центральной полосе России.

Сейчас на курских землях идет строительство новых и восстановление старых, разрушенных шахт. В этом городе построены водоноров, работает электростанция, открыты школы, клубы.

У ШАХТЕРОВ ДОНБАССА

Шахта № 2-бис имени «Молодой гвардии» в городе Краснодоне, восстановленная силами молодежи.

Лишь сороканием шахтеры Донбасса вубабилив нес Герасим Запорожеч к два истинных года вышпаны свои пятилетние нормы, к декабрю будущего года обяжутся завершить вторую пятилетку. Заключив выданные пятилетние норм производства шахты № 18-бис Николай Лучинский, забойщик мажестивной шахты «Колодецкая» Иван Медведев, помощник гурбуменщика шахты № 27 треста «Степнашапробуд» Николай Прохоров.

В конце прошлого года около 2 тысяч комсомольцев Эвмилевича работали на забоях. Трудясь, комсомольцы проявляют подлинно хозяйское отношение к своему труду. Они берут шефство над горнорабочими работниками, установленными на шахтах контрольные нормы.

На многих подземных участках мест составили отряды комсомольские группы.

Комсомольская группа третьего участка шахты «Облагодня» гурбуменщик выводит в производственной бригаде так, что у мажестивнобильщиков снизилась темпы работы. Комсомольская группа сразу же обратила на это внимание. Группой Иван Васильев, помощник гурбуменщика бригады и выяснил, что нуты в нетрехк залиты водой, заделали мажестивнобильщики, не доставляя вовремя порожки. Вечером комсомольская группа переоборудовала, где решили организовать носорокны шахты.

К молодежи приобщаются не только комсомольцы, но и рабочие, и повела стили кураторствовать по подземным участкам шахт. Производительность труда мажестивнобильщиков значительно возросла. Производственные мажестивнобильщиков направлены на быстрое восстановление пятилетки в четыре года.

Опытная батарея по выработке газа из сланцев в городе Кокша-Ирива.

ГАЗ — ЛЕНИНГРАДУ!

Каждый день в Ленинград приходит десятка железно-подорожнических составов топшопом. Для удовлетворения нужд промышленности и бытовых потребностей населения города ежедневно нужно доставлять Ленинграду только одного драгоценные 5 миллионов кубометров. За тысячи километров сюда доставляется уголь, одна шестая часть которого не сгорает, а превращается в газ.

Сейчас недалеко в 282 километрах от Ленинграда, в Кокша-Ирива, ученые обнаружили горючие сланцы. Но мощность Прибалтийский сланцевых бассейнов уступает Подмосковным.

Вскоре после окончания войны правительство было принято решение о газификации на базе сланцевой промышленности в Кокша-Ирива Ленинграда и Таллина. В Кокша-Ирива закончена работа.

Уже сооружено несколько химических заводов по переработке сланца в керосин, бензин, битум. Закаладывались новые шахты, восстанавливались старые. Заключаются строительные 350 нечел, в которых сланцы будут перерабатываться в газ. Подходят к концу работы по прокладке газопровода.

Кокша-Ирива — одна из крупнейших строек нового пятилетия. Сейчас работы идут активно в реновацию шахты. Коллективы рабочих, служащих, инженерно-технических работников обязались дать первый газ Ленинграду в мае — к 1-й годовщине установления советской власти в Утепии.

Молодежь, работающая на строительстве, сосредоточила свои силы на выполнении главного ее обязательства. Газ должен быть чистым и срым. Выгоды, которые принесет пятилетка Ленинграду — это достаточное количество могут быть климатическими двумя цифрами: газ будет заменять ежегодно 2 миллиона кубометров дров на тысячу тонн искомого топлива.

Коллектив московского завода «Динамо» имени С. М. Кирова отказался от государственной дотации и обязался обеспечить в 1948 году выполнение не менее 5 миллионов рублей. И с этим же успешно справились 2-го аппаратного цеха (слова изпарю): Е. Вагилкин, А. Слесарев, О. Шпеленко и В. Комаров. Они выдают продукцию на сумму 1823 года.

КУРСКИЙ «МАГИНТ»

Много лет учебные исследовали странное поведение магнитной стрелки в южной части Курской области: в этих местах необыкновенная сила притяжения земли, Магнит, обыкновенная земля, ни гор, ни холмов. Ноги и зута, зюпюне рудым на дне оврагов, жарившиеся золотые росы. Чем же притягивала земля магнитную стрелку? Загадка оставалась загадкой.

В одной книге, изданной уже в 1903 году, было написано: «Магнитные богатства Курской губернии велики; всевозможные надежды в недалеком времени на нахождения в ней громадных залежей железных руд не оправдались». Но в наше время будто гигантский магнит, заложивший в Курской землях, притягивает к себе стрелку компаса. В первые годы советской

Лучший сменный мастер горного цеха Мелитовского
рудинка комбината «Массолово» комсомолец Г. Шир-
новский [слева] перед спуском в шахту беседует с рудо-
спускниками, членами комсомольско-молодежной бригады
Т. А. Воложинским и Н. Осиповым.
Фото А. Черунова

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Апрель. № 7, 1948 год.

Год
издания
23-й

БОГАТСТВО УРАЛА

Я, по дружбе, советую вам,
Если будете вы на Урале,
Прежде чем побродить по горам
И придти на рождение стали;

Прежде чем посетить рудники,
Знаменитые села и скалы;
Прежде чем у далёкой реки
Посмотреть, как здесь моют металлы;

Прежде чем, перебравшись в музей,
Самочетками полюбоваться, —
На простых посмотреть людей:
Это — главное наше богатство.

г. Свердловск.

Клавдия Первая.

Фото А. Черпунова

Трудовая слава

Людмила УВАРОВА

Слава пришла к ней неожиданно-нежданно. Клавдия Первая на первых порах даже не поняла, что она стала одной из самых знатных девушек Урала.

Всё произошло совсем не так, как она предполагала.

Лучше? Может быть, и лучше, но всё же не так, как думалось ей в зелёной кубанской станице, в дни ранней, только-только расцветшей юности. Она видела себя в своих мечтах: то на капитанском мостике корабля дальнего плавания, то бесстрашным охотником-следопытом в дремучей тайге, то блестящей киноактрисой, играющей в ослепительном свете «юпитеров», то прославленным творцом нового, неизданного ещё самолета. О ней пишут в газетах, имя её известно всей стране. Откуда у неё эта жажда известности, она и сама не могла бы объяснить в ту пору.

Жизнь представлялась ей бесчисленным множеством широких и прямых, открытых дорог — выбирай, какую хочешь. И она не торопилась, думала, выбирала.

Потом началась война. Она явилась на фронт. Вот там она совершит подвиги, каких ещё никогда не бывало! Клавдия неотменно осаждала двери военкомата, райкома комсомола, просила, требовала, убеждала.

Но... «В 16 лет на фронт не берут», — одинаково отвечали ей всюду.

Немцы подходили к родной станице. Клавдия эвакуировалась на Урал и попала на Кировский завод.

Она стала шлифовщицей в моторном цехе. Каким тяжёлым, почти непосильным показалась ей труд с самого начала! Лидя Степанова, высокая девушка с красивым, неулыбчивым лицом, стала обучать Клавдию. Клавье казалось, что никогда ей не быть вот такой, как Лидя, никогда не приобрести ей такой величественной, расчётливой небрежности движений, за которой кроются тонкое мастерство и глубокое знание своего дела. Но Клавдия была упорной. Цепкая жизненная хватка и настойчивость были врожденными качествами её натуры. Пришло время, когда Клавдия сравнялась по мастерству с Лидой, а затем возглавила молодёжную бригаду, завоевавшую первенство по заводу.

Все рабочие завода жили в то время самоотверженным, поистине боевым трудом. Завод вышускал целый полк танков в день... Тонкие линии чертёжной претворялись в металлические детали, безостановочно струились ленты конвейёров, случались огроные молоты, сталь неистовым потоком вырывалась из марленов, вылась

серебряная стружка на станках. Бывали времена, когда девушки бригады Клавдии Первой по несколько дней не выходили из цеха, но задание выполнялось всегда. На них равнялась вся молодёжь завода. О них писали газеты. Их лица изображались на плакатах. Заводской потт слал стихи, в которых Клавдия Первая всегда называлась Первой.

Неужели это и была та слава, та известность, о которой мечтала девочка из кубанской станицы? Может быть. Но Клавдия теперь не думала об этом.

Кончилась война. Завод снова перешёл на производство тракторов. Новейшие машины с маркой Кировского завода появились на колхозных и совхозных полях.

Клавдия перешла в цех, где работал технолог-новатор Александр Иванов. Он сумел разжечь в Клавье чувство гордости рабочего человека, затронуть в ней хозяйскую жилку, беспокойство не только за свой труд, но и за работу всего завода.

Этот худощавый, несколько суровый на вид, ещё молодой человек, начавший свой путь с прищипки, умел безошибочно найти верный путь к сердцу каждого производственного человека. Он чист и подолгу советовался с рабочими, стремясь почерпнуть от них то

золотое зерно выверенного годами практического опыта, без которого самая блестящая теория подобна зерну, лишённому листьев. В содружестве с этим человеком и стала работать Клава Первой.

Клава обслуживала очень сложный станок. Работа была тяжёлая, «мужская». Клава была первой девушкой, решившейся взяться за этот труд. Позднее к ней присоединилась и бывшая её учительница, ставшая ближайшим её другом, Лида Степанова. Обе девушки с удовольствием вспоминают теперь то далёкое время, когда, окружённые всеобщим недоверием, они начали работу в этом цехе.

— Возьмёмся, Лида? — спросила тогда Клава.

Лида молча кинула головой. Строгое, резко освещающееся улыбой лицо её на мгновение потеплело. А через несколько дней девушки, предварительно посоветовавшись в комитете комсомола, взяли каждый по два станка.

При норме в 200 деталей они выпускали в день до 300.

Содружество с технологом Ивановым, прочная практическая база, позволявшая воплощать в жизнь смелые творческие замыслы, принесли блестящие результаты: один за другим рабочие цеха переходили на обслуживание двух сложных станков, резко выросла производительность труда, неизмеримо улучшилось качество продукции.

Комсомолы завода внимательно следили за ростом Клавы Первой. На комсомольских собраниях Клава умела выступить всегда по существу: умела сказать именно то, что в данный момент действительно было необходимо.

— Умеешь попадать прямо в точку, — говорил ей комсорг Непомнящий. — Слово склеивь — будто камень в воду бросишь: так и пошли круги по воде.

Непомнящий ставил Клаву Первой в пример молодёжь не только за её труд, но и за хорошую, беспокойную комсомольскую душу.

Над воротами завода появились два больших портрета: технолога Александра Иванова и работницы Клавы Первой. Это были портреты лучших людей завода, на которых равнялись остальные.

Теперь Клаву знали уже во всём Челябинске, по всему Уралу. Рабочие цеха выдвинули кандидатуру Клавы Первой в депутаты Челябинского городского совета. Все собрание, все рабочие подняли руки за неё, Клаву, своего рабочего кандидата. Она поднялась с места, вышла на середину, оглядела просторный корпус и произнесла взволнованную речь.

Она говорила так, как не говорила ещё ни разу. Она чувствовала, что находится среди родных, самых близких, любящих её людей, в кругу своей семьи. Клава говорила о себе и о своих товарищах, о том, как ладно, устойчиво, хорошо сложилась их жизнь, жизнь молодёжи. Говоря это, она думала не только о кирюшках: она думала о всех тех молодых рабочих, с кем ей пришлось встретиться на Урале, — и о золотокателе Николае Прияновском, и о строителе автомобилей Викторе Глебое, и о машинисте электровоза Миркиной, и о рабочем завода имени Каложченко Зайцеве, и о многих, многих других.

Это были комсомолы, люди неистощимой энергии, упрямой воли, стойкого труда.

Ранней весной Клава поехала на Кубань, навестить родных.

— Домой еду, — сказала она соседям по вагону. — Домой, в отпуск...

И вдруг задумалась: «Домой...» Так ли это? Где был её дом, дом Клавы Первой, казачки, рождённой в кубанской станице? Да, конечно, на Кубани хорошо жить, вой

из окна видны ясные, в приветливом свете солнца поля, маляктовая зелень расцветшей степи. Здесь была уже наступающая весна, цвели деревья, и где-то там, в густой тени станичных садов, скрывался дом, где она родилась и выросла...

А позади остались змюрое небо Урала, оврага, ещё скватные зномим алым, тяжёлые уральские снега. С гор дует ветер, летит сухая морозная пыль, буря рвёт окна. До весны ещё далеко. Но, как ни странно, ей чудилось, что родной дом остался именно там, позади, на Урале. Родной дом, где пришла к ней строгая, умеющая думать зрелость, где её научили трудиться, научили понимать значение своего труда, ценить свои руки, свою силу. Ей вспомнились друзья, провожавшие её на вокзал, ребята, с которыми вместе пришлось делить столько радостей и невзгод, вместе пережить всю войну, вместе трудиться.

Поезд замедлил ход. Клава спрыгнула с подножки, оглянулась. Весеннее утро свержало над ними полустанком. Вдали, за роцей, угадывался серебряный блеск реки. Налёво раскинулись поля. Земля пахла свежестею; казалось, все соки, тивнившиеся в недрах её, жадно струились наверх, перебивая уже угасавший запах талого снега, весенней воды.

Навстречу Клаве по полю шёл трактор. Он шёл небыстро, как бы пробую свои силы, разминался после зимнего отдыха. Весеннее солнце играло на новеньких стальных частях.

— «С-80», — прочла Клава знакомую марку на радиаторе и обрадовалась, словно увидела близкого, родного человека.

Эта замечательная машина была для Клавы действительно будто оживлённым существом: в ней был её труд и труд многих товарищей по заводу. Это была её слава!

У рабочего места. Слева направо: Клавдия Пирева, Людмила Денисова и Лида Степанова.

СТИХИ СЕРГЕЯ ОРЛОВА

ДЕРГАЧ

Зацвели за Вологодью ивы,
Вскрылась полноводная Шексна.
В эти дни меня зовёт призывом
В отчий край раздольная весна.

В тонкий ствол оттавшей рябины
Прянул сок могучею струёй.
Из Египта устремились клином
Журавли горластые домой.

И бежит через края чужие
Всё пешком домой дергач, пешком
По земному шару, всё в Россию,
Тонкий, голенастый, хвост торчком...

В ПОЛЯХ

Ещё темно, ещё туман в полях,
Но слышу гул мотора издалека,
Колыхнется тяжёлая земля,
И, вижу, трактор движется с востока.

А вот и солнце медленно встаёт.
За трактором
Роса блестит полоской,
Как будто солнце он на небосвод
Вытравливает на работу тросом.

На солнце сплещами сверкая,
В лбехах, как по волнам, плывёт,
Плывёт торжественно комбайн,
Степной, колёсный паровоз.

Пшеницы огненные взгорья
Шумят под ветром, и, горя,
Хлеба уходят к Черноземью,
И там слезаются моря!

ПАРОМЩИК

Если едешь ты в Кириллово,
Люд горой паром. Мысок.
Там тебе за душу милую
Перепреврат в городок.
Пожилый паромщик маленький,
С тёмным шрамом на щеке,
Едит в шапке, в старых валенках
На пароме по реке.
Рукавицы из-за пояса
Он достанет: — Вот паром,
Не извольте беспокоиться.—
Скажет шоферу.

Потом
Он упрётся в борт старательно,
Тяжельно одному.
И, должно быть, обязательно
Ты поможешь сам ему.
Пусть канат скользит, как сырмять,
Много рек тебе форсировать
По Европе довелось.
Под тобой Шексна зелёная,
Угли кричат в тростнике,
Так ты с низкими поклонам

В 1947 году в Ленинграде вышла первая книга стихов молодого поэта Сергея Орлова.

Сергей Орлов — участник Отечественной войны, командир танка. Первые военные стихи С. Орлова были напечатаны в Челябинске, затем во фронтовых газетах, журналах «Знамя», «Звезда» и других.

Стихи Сергея Орлова сразу привлекали внимание читателя правдивостью, мужественностью интонаций, точностью наблюдений.

После демобилизации Сергей Орлов поступил учиться в Ленинградский государственный университет.

Сейчас Сергей Орлов готовит к печати вторую книгу стихов. Мы публикуем новые стихи Сергея Орлова.

Будешь ехать по реке.

А когда, в причал ударившись,
Пришвартуется паром,
Сам паромщик, как к товарищу,
Подойдёт к тебе потом:
— Разреши огня, пожалуйста.
Спичка выстрелит в руке.
— Где-то, службе, мы встретились...
Не на Одере-реке!..

НОВЫЙ МОСТ

Мост, как радуга из железа,
Перекинулся над рекой;
Три бетонные волнореза
Утверждают его покой.

Левый берег и правый берег
Встретчились накоротке,
Встреча, данная в полной мере,
Отразилась в Шексне-реке.

Там в ажурных железных звеньях
Спят застывшие облака,
Словно фотонизображение,
Колыхающееся слегка.

Вот подняли, сверкнув, оркестры
Медных труб музыкальный гром,
Поезд тихо тронулся с места,
Поезд ступил в мост колесом.

И прошло его отраженье,
Всё в зямбах и всё в венках
Всё зелёное, всё в движеньях
В синем небе на трёх быках.

ПОСЛЕ БОЯ

(Воспоминание)

На закате окончился танковый бой,
Грохотали моторы, вдали догорали

«пантеры»,
Прокатилась по синему небу над чёрной землёй
И упала на столбик сосновый звезда
из фанеры...

РЯБИНА

На перекрёстке тонкая одна
Рябина встала, зелёна, пригожа,
А кисти ягода, как флажки. Она
Здесь на регулировщицу похожа.

Я нынче по привычке фронтовой
Открываю боевой дневник,
Ведь едем мы с победою домой,
Скрипят возы высокие пшеницы...

СТАНЦИЯ

Здесь, сужаясь и приседаю,
В тёмных зарослях няняка
Вниз, за плотины, почти седаю,
Вертикально летит река.

Опрокинутая на спину,
На лету превращаясь в гром,
Гулко падает в песь турбины
И закручивается винтом.

Продолжают её вращенье
Якоря динамо впотмах,
И мы явдим её свеченье
В металлических проводах.

На железных ногах по звеньям
Проплённого большака
Здесь высокого напряжения
По стране шагает река!..

ЖЕЛАНИЕ

А мне, пожалуй, ничего не надо,
Кроме берёз серебранных в снегу,
Да лес сине-белого громады,
Клянусь, что так и я, друзья, не лгу.

А что ещё?
Да жить на белом свете,
Быть может, до шестидесяти лет.

А что ещё?
Могу, друзья, ответить:
— Весь, до былинки, этот белый свет.

А. Малышкин.

Хозяева земли.
(Всесоюзная художественная выставка)

Ал. ШИШОВ

Девушки селят лес

Рассказ

В ту самую пору, когда на деревнях забухали почки и вот-вот предстояло им лопнуть, заиграть молодой зеленой, когда на выгоревых полях, на выборочной полосе, зарюбал первый трактор. Прокор Солонкина вдруг услышал девичьи голоса и озорной смех в сенях своей избы. Никогда не бывало, чтобы девчата заходили к нему в избу. Он ещё лежал в постели и не собирался сегодня вставать так рано; жила одна, печь топила и стирала для себя через день. Что уметь, то и делала, никому не докучал.

В открытую дверь проснувшая повзвизгав цветастой косиной голова Груши Кочешкова.

— Прокор Саввич, можно к тебе? — спросила она, смеясь, не в меру веселясь, на щеках её заигрывали чуть заметные ямочки.

И, не дожидаясь приглашения, она вошла да ещё привела за собой трёх подружек.

— Девушки, полюбуйтесь-ка на его житьё! Грязно ведро. А на полу мусор! Давайте скорее воды.

Вниг закипела работа. Девушки смочили вешик, старую, поповскую и под руки летошь и начали скрести половицы. Настенька открыла окно. В утреннее жальё хлынула потоком свежий воздух тёплой весны, а с ним и весёлый гомон грачей, вьющих гнёзда на ветлах.

— Ты, Прокор Саввич, теперь член нашего молодёжного звена, — объявила старшая из девчат, Грушица, — так распорядился Пётр Иванович Благой. Будем выращивать лес. Бери топор поострее, да с нами в лес, заготовляй колья и жерди. Лён отстратёт — перить будем. На тебя большая надежда...

Однако Прокор Солонкина с ними не пошёл. Знал он этих десят-комсомолок не с дурной стороны, и в избе убрали они чисто, может быть, от души, но всё же взяло его сомнение: не затеяли ли они какое озорство? Работал он всё время только сторожем — и вдруг в звено к десяткам! Осмелит, озорник: молодёжки смешишь — что игра в снежки...

Надев туфурку с воротником и меховую шапку, он наравился было в правление артели, разувать обо всем от самого председателя, но

у самого дома встретился с Благим, едущим верхом на серой и яблоках лошади.

— Почему не на работе? Разве у тебя не были девчата? — спросил он, сдержанно горячась, пылесом лаяв.

— Были они у меня, звали, да усомнился я, Пётр Иванович. Не шутка ли это? — он почесал пальцем жидкую, запущенную бороду.

— Какие же шутки! Покою мне не дала эта Кочешкова: дать-подать в их молодёжное звено Прокора Саввича. От работы отказывались, если я их не уявчу...

Благой слухавня. Вчера сам он вызвал к себе комсомолок и долго уговаривал их взять в звено Прокора Солонкина.

— Жидёт он один, — говорил Благой, — нет у него семьи, а отсюда и радости нет. Сторожом же он не поставлю, а то сосен одичает. Вы должны оказать на него своё комсомольское влияние. Как уж это сделаете, я не знаю.

* * *

Участок под лён был облюбован ещё осенью, по клеверушю второго укоса, у реки. Зимой девушки ходили на лыжах по глубокому снегу к склому реки, подымали там лопатой жёсткий, сыпучий снег и ломом откалывали мерзлую землю. Ялик с этой землёй отправили в лабораторию МТС.

Выбранный участок был одобрен. Теперь девушки рассказывали об этом Прокору Солонкину, попомогая поспешая его в свои дела. Он упрямно говорил:

— Земля и земля. Ведро она горькая.

— А ты, что же, Прокор Саввич, землю идёшь на язык?

— Нет, и её, магушку, пётом поливаю который уже десяток лет.

— А вот если мы её удобрим суперфосфатом, калийной солью, аммиачной селитрой, да пёчюной золой, да со двора куриным помётом, наверно, она будет другая.

— Мудрёные что-то слова говоришь. Доселе мы знали только навоз, да и то кланя скупясь.

— Может, слово и мудрёные, да дела простые. Запрягай лошадь, будем всё это возить на свой участок, — распорядился Грушица.

Прокор Солонкина пошёл на конюшню, запряг лошадей и на широкую телегу поставил разные кадучки и ящики. Нахлёбывая вожжю рыжку, с обильным животом кобылку, он подъезжал к двору:

— Отдавай куриный помёт. Добро не ахти какое, а нам оно куржко.

Наполненные кадучки он, кряхтя, ставил на весы и затем отвозил в поле. Здесь его встречала Грушица, как и всегда, ласковая и весёлая. Она успевала следить за раскладкой удобрений и за посылкой. Подружки её, увидев Прокора Саввича в стаях, дёрной поддёрке, тотчас же затеяли с ним игру в «крочки»:

— Вы, Прокор Саввич, одеваетесь ловчие.

А то что же это такое!

— По износу и одежде, — сердясь отвечал он.

Весна всем порону несла заботы и беспокорства. К полю шли лошади, запряжённые повозки в плуги и борозы, даялись телеги, нагруженные мешками с семенами.

С каждым днём становилось теплее. Через неделю поле зазеленело. Ровный бархатистый ковер льна с каждым днём плотнее и на лёгком ветру переливался — радовал глаз. Прокор Солонкина на углу участка врыл столбики с приколоченной к нему досочкой: «Участок льняодолгуна в два гектара звена Груши Кочешковой».

Всё складывалось хорошо. Девушки теперь не пренебрегали Прокором, напротив, ухаживали за ним искренно, с добрым сердцем. Часто заходили к его избе. На столах постелили белую скатерть, поставили цветы. Был и такой случай: зашли они к нему как-то рано и застают его у деревянного корыта с намоченным бельём. Он застенялся, спустил засученные рукава и хотел было вынести корыто, но девчата не дали. В полчасе они перестрадали бельё.

Прокор Саввич, отчего же вы не женитесь? — спросила на этот раз его Грушица.

Солонкин пугливо вскинул на девушку глаза. Вловым жил он всю жизнь, позапустил себя и не собирался менять установившийся порядок в своём доме.

ВЕЛИКИЙ
МОСКВИЧК 125-летию со дня рождения
А. Н. Островского

«В Москве всё русское становится понижее и дорожее... Москва — город vecchi обновляющийся, вечный юный, через Москву волнами вылетает в Россию великорусская народная сила». Эти слова, полные горячей любви и верой в будущее, принадлежат одному русскому драматургу Александру Николаевичу Островскому, память о котором бережно хранит в своём сердце каждый советский человек.

Москва — город, с которым неразрывно связаны имя создателя гениальных драматических произведений. Здесь он родился, провёл гимназические и университетские годы, создавал то трагические, то отталяющие, однако всегда потрясающие по силе воображения образы людей окружавшего его общества.

Делью того дня меняется облик Москвы. Вырастают новые дома, расширяются улицы и площади. Но и среди современных многоэтажных зданий и широких проспектов сохраняются священные и дорогие народу места, связанные с именем автора незабываемых творений.

— На территории бывшего церковного двора по Голыциному переулку, на углу Малой Бородинской сохранились величественные флигели, построенные в начале XIX века. Сейчас площадь этого старого московского двора несколько изменила свою внешность, но оставшиеся деревянные дома образуют на фоне зелёных скверов своеобразный ансамбль, уходящий в прошлое Москвы. Среди строений, типичных для XIX столетия, располагается двухэтажный домик № 9, окрещённый в светлой славе. На стене домика скромно вывешен мемориальный знак Государственного театрального общества с высеченной на нём надписью: «В этом доме 12 апреля с. с. 1823 года родился и жил великий русский драматург Александр Николаевич Островский».

Здесь же квартировал адвокат, прошёл детство и юность будущего писателя. Здесь он знакомился с бытом купцов — частых клиентов своего родителя.

— Тогда ещё такое замоскворечье, населённое богатыми купцами и вообще людьми достаточно богатыми, было особым миром. Там, в просторных домах, окружённых всевозможными службами и большими садами, мирные обыватели вели совершенно замкнутую и отшельническую жизнь.

— А Островский? Он окруженье, среди которого протекла первые годы его жизни.

Двенадцатилетним мальчиком Александр Островский был принят в Московскую губерскую гимназию. В прощенье отца было сказано, что его сын ело-россиянски писать и читать умеет и первые четыре правила арифметики знает. Пять гимназических лет сменились тремя годами учёбы в Московском университете — светоче русской культуры и науки, — воспитанием к тому времени в своих стенах Грибоедова, Белинского, Лермонтова. Не закончив юридическое отделение, Островский покинул его, оставив в наследство в наследство, с присущей ему «принципиальностью», отмечает у юности «невнятность в науке».

Осенью 1843 года будущий драматург становится кандидатом наук в Московском советском союзе. Сода приводила отцы, жалующиеся на непокорных или непочтительных сыновей, а также сыновья с жалобами на родителей.

Огромное значение для будущего творчества А. Н. Островского имела также его работа в качестве писца словеса стола Коммерческого суда, куда он вскоре перешёл. Прослушав шесть лет, до 1851 года, получив по усмотрению начальника четвёрты рубль жалованья в месяц, юноша пришёл в такое тесное соприкосновение с Азовым, Брусковым,

до мельчайших трусовых зверюшек, и они разбежались. Больные их здесь не стало.

* * *

Как-то в воскресный день в колхоз приехала издалека нестарая женщина в новеньком пальто. Рыжеватые волосы выбивались у неё из-под платка.

— Здесь проживает львоводка, зевневая Кошечкина?

— Грушица стояла перед ней, как младшая дочь. — Ну-ка и про-ваша дела, — говорила приезжая женщина. — Вот и послали меня свои артельщики. «Поезжай, Акулина, выведи, как они отстояли свой лён от артелисте». Вы уж, Кошечкина, не полнитесь, сводите меня в поле да покажите.

Девушки привели зевнежку в поле. Увидев платочку и высокую стену молодой львы, начавшего задретать, женщина только всхлинула руки и ахнула:

— Милые мои, какое дело! Любоваться бы только! И у нас посево был хороший, да блоха съгубила.

Гостья не увидела в девушках ни гордости, ни тщеславия, напротив, они все слушали принасла Прохору Савичу, рекомендаю как как главного мастера:

— Если бы не он, и у нас бы лён погиб. От блох забавились — круг бы весь устачоо взрыл.

Потом Прохору стоял перед гостьей в чисто выстиранной и отужоженной косоворотке из синего сатина, подпоясанный узким ремешком.

— Как же это вы, Прохор Савич? Же же учились этому делу?

— Учился-то, — Солонкин без надобности почесал за ухом. — У них, вот, училися, у молодёжи, а они у меня, — указал он на девушке.

— Вот, Прохор Савич, во всё мне открылось, ничего не утаивайте. Хочется и нам такой лён вырастить. А моего и у вас вёдее труда не редки — соборать да выхлудить! Ляжет он у вас, повалится!

— А мы его перить будем, поддедим, — сказала Грива.

Наглядываясь, присел на корточки, опять принасла, кажно разглядывая зелёные стебли львы, Прохор подовал к себе девачат:

— С дороги гость-то, чаем бы её угостить. Возьмите ключ да приготовьте в моём доме самовар.

Девушки ушли.

Солонкин повёл приезжую женщину вдоль своего поля. Она и дело оставлялась, собирала в руку отдельные стебли с расцветшими голубыми головками и всё всматривалась. — Допрожу-то вы, Прохор Савич, на своей поляне сеяли лён-то?

— Сеял. Кто же из наших мужиков лён не сеял? В нашем месте все лён растили. Волокно было так себе, без номера. Шло на артеду, да на верёвку, да на хозяйство. Мать моя и ткала домашним станом. Только холст этот годился на портянки да на мешковину.

На мешишке, где стоял стофик с прикопленной дощечкой, они присели. Гостья встала на ноги, принасла соборные ея цветы и утавлялась на Прохора добродушными сероватыми глазами:

— Потрудился. За хороший лён премно получите. В соревновании первое место в районе займёте.

— Я об этом не думаю.

— Напрасно. А почёт какой! Прошлым годом арвелось мне, Прохор Савич, увидеть выставку львыных изделий. Ни милье, чего там только не было! Духи соревнованья ея цветы и утавлялась да криво! Склетеря, лопотена, самые тонкие батисты или, опять же, кружева.

— Чего же тут хозяйственного? — скупо, в яндре выражения, заметил Прохор.

— Были там и брезилы, парусина, рыболовные снасти, привидные ремня и пожарные книжки, — не унималась приезжая женщина. — А уж для нашей Советской Армии всё тут: и челмы, и сумки, и пальтало...

— Чо-то дело, — опять сказал Прохор, но уже другим тоном.

Девушки тем временем вскипятили самовар, накрыли стол, и когда Прохору Солонкин привёл гостью в свой дом, всё было готово.

— Чо-то дело, — опять сказал Прохор, но уже другим тоном. Он сидел напротив госты, выпрямил плечи и распушил усы...

Но вот третьего дня объезжал поля на стареньком, скрипучем велосипедисте участковый агроном и привёз страшную весть: в соседнем колхозе на молодом лёне появилась блоха. Грушица затосковала:

— Девушка, милье, весь труд наш может пропасть зря! Блоха — это страшнее всего!... Выручай нас, Прохор Савич, — обратилась она и к Солонкину, — нужна зола, много золы!

С лукахом на кушаке через плечо Прохор Солонкин ходил по полю и выпрашивал золу. Домохозяйки давали золу неохотно: они считали её за даяр на свои грядки.

Утром Прохор собирал золу, а днём при горячем солнце загребал лопатой набитую колёсами на дороге пылью. На маленькой колёске свозил это в отвёздный амбар. Здесь брала толку зрелка, садилась на порожек и, тоскуя, заулыбалась.

«Должно, и вправду наемешка! Нешто дело — пылю загребать? Опозалят, смеют на весь белый свет!»

Когда же зевневая Грушица послала его собирать коровий помёт, он запротестовал: «Вилку вы, милье, поговоришь бы меня к себе в зевно-во зглян, да позор!»

Грушица старалась поговорить с ним нежно и ласково:

— О каком ты позоре говоришь, не пойму. То, что мы делаем, до крайности нужно. Сорвём лён. Намёшь на море, мелепосом. Намёшь лён пылью и золой, будем лён слышать. А коровий помёт в сухом, распылённом виде и того лучше!

Пришлось Прохору Савичу собирать и помет, только его в стуге, пропуская через горло, а при тилой погоде вилку вышибать. Намёшь лён и, выполозив на работу, на рыноке блоха-кляче ездит в МТС, сечевит там из бутылки отработанное машинное масло, и всё это из-за проклятой блохи.

Блоха увязочкина, но в гуще зелёного льва Грушица заметила свежестарую зевнежку. Она только взглянула ногоу, но в кроет, поднимая рыхлую пылью, отрылся в новом месте. Девушки ходили по участку, собирая в руки желтые, потрешенные ростки, и так же плакали. Затем они с реки начали чистить ведрями воду и закипятили её.

Прохор Солонкин долго и молча сидел на мешишке, глядясь к ним, и сердце его не выдержало:

— Ступайте домой. Поймаю я его, проклятого, — сказал — поймаю.

Он пришёл в поле на ночь, с топором, сузив в кармаи лопатку хачба. Перекурил на заре, заняв из реки холодную водичку. После жаркого, перестойного дня хотелось прилечь на мягкую траву, вытянуть руки и ноги. Но Прохор бродил с тягостною сия и перемогал себя. Сидя у свежих крошечки он прислушивался и издавался:

— С рассветом он увидел свежие кучи наяртой земли на новом месте.

— Окпанная земля, хоть огнём его достань! Сколько положено траву, сколько было у девушек радости и надежды, — и вдруг такая беда!

Прохору советовали облить ногоу керосином, поставить пружинные ловушки.

— Думаю я, девчата, поставят вертушки. Кроты боится шума.

— Да как же это? — спрашивали они.

— А вот так, смекалку применим, — он приложил к губам указательный палец, такливо свистнул, и сделал загадочный жест.

Домо Прохор Савич набрал разных ошубов, досок, гвоздей. Закрыл калитку двора, чтобы никто не мешал. Рубил, шилит, стругал, сколачивал. Мельницы-вертушки сделали он с десятком, и поволок их в поле.

На вертушки, хоть и не понимали в этом ничего, но не отходили от Прохора, слушались его и помогали: выкапывали по краям участка львы лунки, он закладывал в них пыльные деревянные корыбки, затем ставил на них вертушки и зарывал их землёю.

Лёгкий ветерок заиграл крыльями вертушек, они затартели. Солонкин пришал укол к земле и по-детски обрадовался: земля гудела, как будто в её утробе даявилась мощные толчки.

Беспорядочные тархатые вертушки беспоко-

Большовыми, Подхалюзными и кормившимися около них Бевелевскими, Юсовыми, Рызоложскими. Пятнадцать человек, но невнятно быстро вошёл в тот мир людей и отношений. Здесь он впервые увидел, как купцы уставляли банкротство, переводя имущество на жену или приказчика, а сами садялись в карету и в Воскресенье уходили в компании суда кьянш подычие и другие чиновники, старая урвать с купца побольше. Перед глазами юности проходила богатая событиями жизнь во всей своей пестроте менделеевского быта.

В 30-х годах XIX столетия на углу Театральной и Воскресенской площадей открывалась кофейня, широко известная под названием «Печкинской». «Кто знает, сколько кофейня Печкина разнесла по Руси истинной любви к науке и искусству!» — писала А. А. Фет, вспоминая годы своей молодости. Эта кофейня быстро стала любимым местом встречи актёров и литераторов. Частыми посетителями её были В. Г. Белинский, А. И. Герцен, А. Н. Островский, А. Ф. Писемский, Т. Н. Грановский, М. А. Валушкин, Д. Т. Венский, М. С. Щенкин, М. М. Мичурин, П. М. Саловский и другие представители литературного и театрального мира того времени. Островский увлекочнее всего товарищеские встречи в «Домском месте», называя их «встречами этого трактира Досуева некоторыми автобиографическими чертами.

Во время работы в Совестном суде Островский поселился в Серебрянническом переулке. Здесь, на берегу Кузья, в одном из домов тихого переулка, прошли наиболее плодотворные годы в жизни драматурга. Здесь им были написаны «Свои люди — сочтённые», «Троиз», «Воевода» и другие произведения.

26 октября 1855 года квартиру Островского в Серебрянническом переулке впервые посетил один из страстных поклонников его таланта, М. И. Семёновский, гвардейский офицер, впоследствии основатель журнала «Русская старина». По узкой деревянной лестнице Семёвский поднялся в мезонин. Пройдя две комнаты, гости вошёл в третью, маленькую, тускло освещённую старинной свечой. За столом, наполненным заваленными бумагами, сидел Островский. Улышка чужой гостю, он поднялся и вышел наверх в гости. Перед Семёвским вступил невысокого роста плотный человек, с одухотворённым лицом и немного уставшим выражением в глазах. Волосы по-русски были острижены в кружок.

В обстановке квартиры, несмотря на чистоту и опрятность, проглядывала бедность.

14 февраля 1847 года на квартире у критика и историка литературы С. П. Шевырёва, в доме № 6, по Детинскому переулку (дом сохранился в первоначальном изменённом виде до наших дней), Островский читал свои первые литературные опыты. Слушателей собралось немало. Мезонин был заполнен гостями: писателем и филологом А. С. Хомяков, писателями С. Колодицын и А. Григорьев.

Хозяин слушал внимательно и когда Островский кончил чтение, а читал он великолепно, объявил его и похваливал. С этого дня, по словам Островского, он стал считать себя писателем и уже без сомнений и колебаний пошёл в своё призвание.

Лев Толстой в романе «Война и мир», описывая сцену, когда французы ведут на расстрел Пьера Безухова, упоминает Щербатовскую дачу. В 1846 году известный историк, писатель и журналист М. П. Погодин построил на этом участке дом (ныне Погодинская улица, дом 12). 3 декабря 1849 года в гости к издателю «Москвитин» были приглашены А. Н. Островский. Здесь он впервые раз прочёл свою комедию «Банкрот». Когда чтение уже началось, в комнату вошёл Н. В. Гоголь. Облокотившись о прятлоку, он слушал внимательно, стараясь не пропустить ни одного слова. Пьеса произвела на слушателей сильное впечатление. Писатель В. Ф. Одоевский, также присутствовавший на вечере, сказал: «Я считаю на Руси три трагедии: «Недоросль», «Горе от ума», «Фрейшюц». На «Банкроте» я поставил номер четвёртый».

После чтения Шевырёв обратился к присутствующим с торжественными словами: «Поздравляю Вас, друзья, с новым драматическим успехом в русской литературе!» Вспоминая впоследствии памятный вечер, Островский рассказывал: «Я не помню, как пришёл домой. Я был в каком-то тумане и не мог сказать, проходил всю ночь по комнатам: такими сложными словами мне показался отзыв Шевырёва».

Комедия «Банкрот», названная позднее «Свои люди — сочтённые», опубликованная в 1850 году в «Москвитинине», имела огромный успех у читателей. Пьесу читали в домах, на студенческих вечеринках, в трактирах.

«В трактуре у Чугунового места, привлекающей самую разнообразную публику московской новинкой — машиной с барабанами», — вспоминал современник Островского, — ждливо

А. Н. Островский.

пись читалась каким-то добродельным испуд. За приятное угощение чтение повторялось по нескольку раз в день».

В 1877 году А. Н. Островский переехал в дом № 16 на Вавоикне, где прожил около десяти лет, создавая одну пьесу за другой. Здесь его посещали Л. Толстой, Н. Рубинштейн, И. Горбунов, М. Саловский, Н. Римский-Корсаков и другие.

Последней московской квартирой великого драматурга была гостиная «Дредава», находившаяся на Тверской улице, против нынешнего здания Моссовета. Отсюда А. Н. Островский уехал 28 мая 1886 года в своё Шелковское имение, где спустя несколько дней скончался.

Перед зданием Малого театра в 1929 году поставлен бронзовый памятник Островскому работы скульптора Н. А. Андреева.

Лучшее место для этого памятника трудно найти. Жизнь и творчество А. Н. Островского неразрывно связаны с Малым театром.

Принято говорить: «драмы Пушкина», «комедии Гоголя», но — театр Островского. Островский явился подлинным создателем русского национального репертуара, а первенство в популяризации пьес писателя принадлежит Малому театру.

На премьере «Не в свои сани не садись», по свидетельству современника, «первые появились терпеливо в сцене в судовой палате и галдейки причёске: до тех пор их несли, шёл и французская причёбка были обязательными принадлежностями главных ролей».

25 января 1854 года Малый театр показал «Бедность не порок». Впервые в пьесе была использована «Угнетённо-разночашная постановка вызвала такой восторг: «Шире дорожку... Правда на сцене идёт!»

По настоятельному требованию публики в директорской ложе появился автор — смущённый, веселый человек в судовой палате, очень немолодо зубастый человек по взгляду тысяч устремлённых на него глаз.

Борьба за создание в Москве русского национального театра, Островский писал в 1882 году министру внутренних дел: «Театр с частным художественным репертуаром необходим для Москвы. Такой театр был бы поистине наукой и для русского драматического искусства. Мы должны начать сначала, должны начать новую форму русского шкула, а не слепко идти за французскими образцами и писать по их шаблонам разные тонкости, интересные уже пресмещенному вкусу. Русская аудитория ещё складывается, следует избегать смешения с ней и не упускать внимания на подлости, мешающих буржуазное безвкусице».

Незадолго до смерти Островского Лев Толстой писал ему: «Я по опыту знаю, как читаются, слушаются и запоминаются твои вещи народом и потому мне хотелось бы содействовать тому, чтобы ты стал теперь поскорее в действительности тем, что ты есть несомненно общенародным в самом широком смысле писателем».

Мечта Л. Толстого сбылась. Если при жизни Островского и после его смерти до Октябрьской социалистической революции писем его шли даже в Малом театре в среднем ежегодно по два а в год с 1933 году только одна комедия «Без вины виноватые» прошла в 367 периферийских театрах. Для того чтобы указать, где идут пьесы Островского, надо испробовать всю карту нашей страны. На клубных сценах пьес Островского ежегодно идут свыше 150 тысяч раз, привлекая до 30 миллионов зрителей.

Островский был первым русским драматургом, написавшим не одну и не две пьесы, а создавшим целую серию выдающихся драматических произведений. Он смог найти в русской действительности неисчерпаемый материал для воспроизведения его в драматической форме. Около пятидесяти комедий, написанных им, вошли в золотой фонд русской национальной литературы.

Красота русского человека, которую урологи отёмное царство в образе любимых героев Островского. Незабываемы созданные им образы русской женщины Катерины, бескорыстного рыцаря науки, поклонника великого Ломоносова — Кулигина, великодушно-Несомненно-неисчерпаемый источник молодости и ненавидящий коневодник, прекрасной молодой девушки Ларисы, отданной на потеху бесердечным слатоловичным купцам. А сколько подлинного очарования и прелести в образе Снегурочки! Сколько сочувствия и антипатии народной справедливости, выступающим против притеснителей, к борцам за его величье в пьесе «Воевода» («Сон на Волге») Во всём этом явно ощущаются глубокие патристические основы творчества великого драматурга.

«История оставила название великих и гениальных только за теми писателями, которые умели писать для всего народа, и только те произведения пережили века, которые были истинно народными и себя дождались до наших дней. Жизнь и творчество А. Н. Островского неразрывно связаны с Малым театром.

Эти слова А. Н. Островского в полной мере относятся к нему самому. Творчество великого драматурга принадлежит народу, оно помогает больше ненавидеть «тёмное царство», сильнее любить и ценить радость настоящего.

МАСТЕРА НАРОДНОГО ИСКУССТВА

Фото Я. Рюмкина

На этих снимках вы видите студентов Киевского республиканского художественно-промышленного училища. Это будущие мастера-художники во всем отрясах многогранного народного искусства.

Где бы ни было: на Подолье или Полтавщине, за Днепром ли, за Бугом,— в любой украинской хате вы найдёте образцы истинно народного художественного творчества. В каждом селе есть художники, замечательные умельцы по росписи стен, по ткачеству или вышивке, по гончарному делу. Заходят в дом, гляньте на стены, на «грубы» — небольшую печку. На светлоглубом фоне видны народные писанки. Тут вам и узорчатые листья калы, и хмель, и барвинка, и огуречника. Особенно любят расписывать хаты виноградными листьями. Под праздники — Первого мая или к Новому году — у хозяек и молодёжи вполне дел по дому: мажут стены глиной, потом медом, а затем, вооружаясь

кисточками, начинают роспись. И пошли по стенам, по потолку, а подчас и по полу разноцветные узоры!

Смотрите не только на стены. Вот полотёна — «рушники», — расшитые девушками в зимние вечера, вот плетёные из толстой нитки «калмы», что обычно вешают над кроватями. А на самом видном месте в ряд выстроились сосуды для цветов, для вина. Поглядите на снимок. Это две вазы для цветов, а чуть пониже — «куманец» для горюлки. А за ним идёт «Олень», а вот этот приземистый, из серой глины, — «Баран».

Всё это вы найдёте в каждой хате: и керамику, и роспись, и вышивку, и ткачество... Талантливый народ создал замечательное искусство. Ему обучается наиболее способная колхозная молодёжь, приезжая в училище.

Деревянная гладилка поднимает, вытягивает вверх глиняный сосуд. Это пока лишь заготовка. Ещё час — два — и студент И. Петренко снимет с верстака большую красивую вазу.

Вышивальщицы — студентки Н. Оляник и О. Бетюк. Сейчас молодые художницы вышивают скатерть и салфетку. Они авторы рисунка, они же исполнители.

На снимках (сверху вниз) показаны все классы училища. Вот студент М. Бурлаченко за росписью стены. Ниже — отделка посуды для вина. Вы видите занятию в классе художественного ткачества.

Снимок слева — урок вышивания. Рядом — роспись ваз ангобом. Ангоб — это обычно белая или цветная глина, ею покрывают и раскрашивают вазы и горшки. В руках у студентки «груши»; этим вышитым инструментом наносится тончайший орнамент и рисунок.

ПЕСНЯ ДРУЗЕЙ

Это конь над Невой,
И огонь штурмовой.
И глаза военкома полка.
Это в дымке Урши,
Это всплох зарниц,
Это первая наша строка.

Это подбитый стяг,
Это пуля в косяк,
Это честный дельцх сусаря,
Это Смольный в огня,
Это снег на стернях,
Это ветер о днях Октября.

Это стало судьбой,
Это дружба и бой,
И под неплом лица сканья,
Это песня с реки,
Это выстрел с руки,
Это юность твоя и моя.

Семен ГУДЗЕНКО

ДОРОГА
В КАРПАТАХ

Хлеб и соль в поберё:
далека дорога.
Нужно вдале и поперёк
этот край пробыть.
Я не пожалюю ног:
стран таких немного.
Можно десять пар салог
инозить в пути.

Виноградная лоза
оплетает села.
Как безумная слеза,
мутное вино.
Широко раскрыв глаза,
пыльный и весёлый,
через реки и леса
я еду давно.

Я буду по склону гор —
мудро поднят полог:
не видел я до сих пор
сил так же и трав.
Начинает разговор
спутник мой — геолог.
Затеваем жарий спор —
в споре каждый прав.

Он помяывает мне
глубоко глени.
Я о мачтовой сосне
говорю ему.
В предавечерной тишине,
выйдя на равнину,
я увидел, как во сне:
горный край в дыму.

Переходат речку вброд
пестух и козы.
Лесоруб домой мдет,
лесоруб спешит.
Сплывает небосвод
бронзовые лозы.
После песен и забот
Закарпатые спит.

Только я один не сплю:
путь держу на Сялорш
До чего же я люблю
по ночам брести!
До чего же я люблю
под ногами земляю!
А над головой люблю
звёздные пути!

Лев ШАПИРО

(ИЗ ОДЕССКОЙ ТЕТРАДИ)

Войска оставляли Одессу. Последние суда уходили от родных берегов.

Уходили катера и тяжёлые барки, крутобокие шлюпки и грузные шаланды, лёгкие парусники и рыбачьи баркасы. Качались высокие мачты; паруса, опалённые дыханием заката, вздымались и опускались над зыбким морским простором, словно крылья птиц.

Одинокая шлюпка сиротливо лежала на боку, уткнувшись острым килем в береговую гальку. Прилив покачивал её. Двенадцать человек — моряки и лехотицы — подбежали к ней и толкнули на воду.

Люди уселись в лодку, и только один остался в воде по колено, чтобы последним толчком оторвать отяжелевший киль от каменного дна. Он сделал это, и лодка свободно закачалась на волнах.

— Садись скорей! — крикнули из лодки.

Он уже уцепился за борт, но в последнюю минуту схватил автомат и сумку с дисками, лежащие в шлюпке, и изо всех сил оттолкнул лодку от себя.

— Гребите! Гребите, черти! — закричал он, побежал к берегу и упал за высосый камень.

Никто не понял, что он делает.

Только когда раздалась короткая автоматная очередь, сидевшие в лодке увидели вражеских солдат, устанавливавших на берегу пулемёт, чтобы бить

по уходящим судам и по этой последней шлюпке.

Люди опустили глаза, как бы чувствуя себя виноватыми, всёла в нерешительности повисли над бортами.

Он был старший среди них, моряк с железной волей, знавший цену и жизни и смерти, он понимал, что его, оставшегося на берегу, уже не спасти, и если один погибает во имя жизни товарищей, то это правильно, и каждый из сидевших в лодке — он знал их, это были его ребята — поступил бы точно так же.

И он властно скомандовал:

— Вёсла на воду!

Шлюпка рванулась и пошла вперёд, рассекая волны.

Всё чаще доносились с берега автоматные очереди, фигур в зелёных шинелях становилось всё больше на берегу, шаг за шагом они подбирались к камню, за которым лежал автоматчик.

Люди в шлюпке видели, как поднялся из-за камня моряк; чёрный силуэт его как бы встал над морем и над пылающим городом, рассекая поднятой рукой небо. Ударило короткое пламя гранаты, и чёрный дым окутал берег, а когда дым рассеялся, то уже ничего не было. Только тёмная глыба ещё долго была видна с моря. Сидевшие в лодке не отрывали от неё глаз, запоминающая очертания камня, чтобы суметь отличить его среди сотен других...

Полюет

Рассказ

Кабинет, где Серёжа оставил ждать, был маленький, с окном, выходящим в сторону испытательного аэродрома. Со всех сторон в этот прекрасный час с гулом последних оборотов или выключенными моторами шли на посадку самолёты. То огромная машина, похожая на аксолотля (когда-то он разволновал их в аквариуме), проплывала наискось мимо окна, то хлопотно тарателет лёгкий «По-2». Небо, вылинявшее за день, было уже поздно весны, нежной зеленистою, незаметно переходящей в зякут.

Сидя на краешке дивана, Серёжа смотрел в непромог, ещё не размазанное после зимы окно. Всё его существо было обращено туда, в сторону широкого, не имеющего предела пространства, которое давно подчинили себе эти проносившиеся, парящие, казались, неохотно возвращающиеся на землю самолёты. Неужели ему предстоит эта удивительная жизнь лётчика со всеми тревожными радостями полёта, парения, свежей чистоты, близости к облакам, к звёздам, к солнцу? Здесь, в генеральском кабинете, где его оставил ждать, он особенно поучувствовал эту единственную цель, единственную страсть в его жизни, и всё остальное в сравнении с этой деятельностью и было. Он с жадностью оглядывал теперь этот служебный кабинет испытателя, пожелтевшие снимки на стенах: какие-то модели самолётов, на которых уже никто не летает, длинные крылья пилеров на лёгком поле — десятилетия труда, испытаний, высотных полётов, воздушных гонок... Он вадру горю перед видением этой большой, сложной трудовой жизни лётчика-испытателя, перед собственной целью, приводящей его сюда. Хватит ли у него выдержки, терпения, мужества? Авиация — это не бесценный, воспитательный полёт в те нежные златые часы, которые покрывают землю, как сейчас, багрянозеленым и розовым... Это кропотливые будни, кропотливый труд: полёты в дождь, в снег, в мороз, на утомительных, пугающих высотах, над тундрой, над льдами, над горами, вершинами. Сумеет ли он это? В школе, когда он строил модельный пилеров и одлаждал вымышленный планер летал дольше других и все кругом поздравлял, — тогда казалось, что широко открыты для него, Серёжи, все высоты, ворота авиации, что нужно только желание — и всё остальное приложится.

Сейчас он обрело сидел в этом кабинете испытателя. Не перенесёт ли он свои силы, хватит ли у него дышания на длинный, утомительный путь лётчика? Когда-то на Оке, на учебном лёгком поле, возле пионерлагеря, взлет его, десятилетнего, с собой в полёт на «У-2» лётчик. Волшебный мир открылся ему тогда с высоты. Оке в раби от течения, зелёные плёсы друзей, перемежающиеся чёрными полосами пахоты, домины, покосы на кубики, и близко ослепительно налетавшим белым светом, пухлым, почти осязанным облака. С тех пор он взыскавал во сне от удивительного счастья полёта, ставшего целью и необходимостью.

Он услышал, как внизу, под окном, подъехала машина и вслед за тем лёгкие, быстрые шаги по лестнице. Он поднялся с дивана, и сейчас же высокой, показавшейся ему до самого потолка, вошёл генерал. Воротивек его измятого кителя был расстёгнут, лямки парашюта, который вёс тот в руке, гремели прижиком по полу, и Серёжа понял, что он только что испытанный самолёт.

— Так... что у вас? — спросил лётчик отрывисто, влады на шифр парашют.

Он взял из рук Серёжи протинутое ему письмо и сел за свой стол, самым наивысшим для его огромной фигуры. Серёжа ждал. Теперь он увидел восполненные белки гала испытателя, могучую, уже загоревшую шею в расстёгнутом вортовнике кителя, следы врезавшихся лямок на плечах. Лоб его был ещё потен.

— Так... сказал он затем... мне уже говорил о вас Гидло. Вы кем ему приходитеесь? Серёжа покраснел.

— Никем. Он знал мою мать. Он из одного города с нами — из Липецка.

— Какие же у вас данные, чтобы поступить в авиационное училище? — спросил генерал вадру.

Он строго, даже с некоторой неприязнью оглядел Серёжу с его рекомендательным письмом.

— Материнские просьбы... Устраивают санько, а эти тоже хороши — не могут отказать, как же, помилуйте, данное знакомостью Гидло — старый лётчик полярной авиации... кажется, мы бы отучились от всех этих рекомендаций. Авиация — молодое дело, думают, одарен легко зарабатывать.

— Я с детства интересовался лётным делом, — сказал Серёжа, — когда-то моделе мои лавиров получали первые призы. Конечно, это было ещё школьничество, — добавил он виновато.

Генерал вертел в больших своих, знавших слесарное дело руках врубленное ему письмо. Он был ещё весь там, в полёте, в испытании многотонного самолёта, последней новинки, с подвесными койками для раненых... Труд, труд, десятилетия труда, сотни испытанных им моделей, тысячи налетанных часов, километров, которыми дважды можно опонать земной шар, — здесь — по склонности, видите ли, поправилась забавна. Сам не писал никогда рекомендательных писем и другим не советовал... Режое слово уже навёрнувалось на язык: нехорошо, молодой человек, рассчитывать на связанный... лдите обычным путём, куда назначат.

— Пишут письма, — сказал он сердито и скромно письмом. — Что же из этого вашего Липецка — обязательно в авиацию? А может быть, в пехоту? — он несколько раз влотно пробрал рукой по выбртой догола, чтобы скрыть начинающуюся лыску, голову. — А как? Может быть, в пехоту? — почти свирепо вопросил он.

Он вадру улыбнулся, и лучший пилаж слесарскруг его гала... не так ли робким слесарским учеником пришел он впервые на аэродром, задрав голову при каждой подыняющейся в воздух машине, ещё не зная своего пути, но только страстно желая его на лётном поле — в зиму и лето, — покаявая ладь ден за днём это сложное, трудное и великое дело? Не он ли, тогда ещё мальчишкой на побегушках в дуальной мастерской, приебжал раз в воскресенье ден на двадцать километров в полёты на каком-то спичечном сооружении из планок и проволоки и упал в страхе на землю, когда низко проплыло над ним это таратающее сооружение, поразившее и ошарашившее на всю жизнь? О, как трудно набирался в десятилетиях высота, путь лётчика-испытателя, промеряющего в жестоких испытаниях теорию, испробуемого её, как металл на излом!.. Он разглядел теперь Серёжу неестественно-плывущий, чуть не выкатываемый собственными глазами, всю эту юность, обрешённую к будущей своей судьбе.

— А вы знаете, что такое труд лётчика? — спросил он мирным, будничным голосом, разгадывая измотанное письмо и как бы вынся в своей горючости себе не растуть. Высыжанным, водно, принахит, окупывать... черт знает, сколько возни! (Он вспоминал, как сам возился с этими упрямыми выношенными в садыке на подмосковной своей дачке.) Вот видите, сколько мне пришлось... он поауловяющейся в кресле и показал на снимки на стене. — Тут и прирешенные самолёты и гидросамолёты... На каких только моделях не приходилось летать.

— Я понимаю это, — ответил Серёжа с твёрдостью.

— Да вы садитесь, чего вы стоите? — сказал генерал вадру с лёгкостью, точно освободившись от тяжести этого предварительного испытания. — Я сам был таким же когда-то, —

Он строго, даже с некоторой неприязнью оглядел Серёжу...

О МОЛОДОМ СОВЕТСКОМ ЧЕЛОВЕКЕ УЧИТЬСЯ ТРУДУ

подмигнула ей, — у нас генералы сразу не ставились. Так куда же вас привезли? — Словил он задумчиво, и Серёжа с грустью увидел, что из письма, которое принёс он ему, тот машинально делает петушка. — И потом, имейте в виду, — сказал тот, внезапно возвращаясь к привычному, — авиация — это математика. Никаких чтобы «вопрос» — никогда. Всегда, выдержит, авось, долечу, авось, удастся! — он становился снова свиреп. — Будете работать над собой, воспитывать волю, дисциплину — станете лётчиком. Расскажите, авось, — нос не смеёте носить в авиацию... носы! Я Гад-ло унику — наклеваю ему... что это ещё за система писать письма, — он держал теперь петушка за крылья, как бы готовый запустить его в угол.

— Где вы учились? — спросил он отрывисто.
— Окончил десятилетку в Москве.
— Отметки?
— Отлички.
— Математика?
— Пять.

— Где публиковали свои планыер призы?
— В клубе юных авиамодельеров. Одна модель — это расплытель для борьбы с сарни-чой.

— Что? — переспросил генерал. — С сарни-чой? — казался, он добавит: «В агрономии идея!», — но он молчал, только больше его ладьями поглаживая по столу, потом он рывком сорвал трубку с рычага и набрал номер.

Четверть часа спустя Серёжа покидал кабинет.
— Ну, что же, — сказал генерал, протягивая ему свою широкую руку, — желаю успеха... он стоял у стола во весь рост, почти касаясь его ладьями, непривычно к кивая головой, желая, чтоб весь слухом, вниманием обращён к аэродрому, на который перед вечером садился последние самолёты: испытательный день был закончен.

Как утка, ткнула запоздавший «По-2», прямо с высоты по скользящей кривой над по-садку.

— Так, значит, в авиацию? Решено — и на всю жизнь?

— Добрые лучики лежали возле его глаз, вос-пальность которых уже проходила.

— Да, — ответил Серёжа.

— Только помните одно — труд, труд и труд. — И ещё — выдержка и скромность, глав-ное, скромность... чтобы никакого заваяства, хотя бы без посадки земной шар объектам.

Минуту спустя Серёжа уже сбегал по лес-нице.

Мир, огромный мир, заливаемый розовым, аквасным светом, уходила в бесконечность, и всё же нехватало воздуха для жадного, то-ропильного, счастливого дыхания.

По асфальтированной дорожке между газо-нами, на которых ещё не начался процесс ст-рания, шли дётчики — люди того удивительного племени, к которому будет принадлежать и он сам.

Там, где-то в высоком небе, ещё кружит, ещё не хочет разстаться с счастьем полёта самолёт. Но что сравнится с тем счастьем, которое в нём, Серёже, сейчас, настало, так же широко, так же охватывает мир, как это закатное солнце? Может быть, через месяц, другой он наденет такой же синий комбинезон, штаны которого у всех мехавиков с лыжностью приспущены над сапогами, и в котором он, тот же Серёжа, будет в его руках...

«Облебу без посадки весь земной шар, вот увидите!» — сказал он почти вслух, обращаясь к кому-то, может быть, к тому испытателю, который, стоя во весь рост в своём расстегну-том генеральском кителе, руками, принашивая вестки самолёт, шмыг и его, Серёжу Васильева, на главный путь...

Он был уже весь в полёте — Серёжа, там, на счастливой высоте, где леряв-тотому теплится одинокое облачко. Лёгкий самолёт, весь розовый, проплыл над ним в вышине и как бы встал, расторгаясь в неж-ном, мерцающем свете газа...

...Этому 1945—1946 года я никогда не забуду. Этой зимой я по-новому понял, что такое любовь к труду.

В самый напряжённый период, когда до первой в жизни экзаменационной сессии осталось всего несколько недель, к нам на факультет пришла девушка в военной шинели и грубых льняных сапогах. Девушка была скромна до застенчивости, молчалива и чрезвычайно интересна: стройная, с одухотворённым лицом и тёмноволосая, золотистыми кудрями. Нам сразу заинтересовало её удивительно упорство в занятиях. Но узнали мы о ней очень немногое: четыре года была она в армии, только что демобилизовалась, надеется выдержать экзамены в срок. И она не только в срок закончила «экзамены, она выдержала их блестяще». С тех пор так и не сходит с факультетской доски имени Лиды Ческовой.

Но это — ещё не всё и не главное. В самый разгар экзаменационной сессии Лиды сообщила, что она поступила работать на завод в качестве «кооператора», — сказала просто, как будто так и должно быть.

Я думала: смогла бы я после шести часов лекций выдержать пропитанный маслом и уголь-порошковой комбинацией, поступающей в проволочный тонке и потом снова возвращающийся к чистым и аккуратным тетрадкам, чтобы завтра подготовленной итти на лекции? Думаю, что и я смогла бы, но это было бы очень трудно.

С ребятами Лиды поговаривали проволочная, с чёрными морщинками под усталыми вырази-тельными глазами. Но ей было легко. Легко не физически, а... морально, что ли. Мы все замечали, что в труде она как-то особенно хорошо шутит и смеётся, она была необычайно ей, она с жадностью бралась за любое дело.

Разумеется можно сказать, что эта удивительная трудоспособность объясняется только добро-

совестностью, необходимостью по долгу? Нет. По-моему, главное здесь — большая любовь к труду, благородная привычка работать, не жа-леная сил.

Мне как-то пришлось работать с Лидой на полевой станции. Работа была не трудной, но уютнейшей: мы счищали растения в подосы-тые спонжиком ящики. Стебли ямчана были выдернуты с корнем из земли, потому что столбом стояла в сарае, набиравшая в нос, в уши. Я удивлённо смотрела на маленькие лериды руки: они так неуклюжи и быстро пере-бравая стебли, как будто всю жизнь только этим и занималась. В перерыв я не выдержала и сказала с сердцем:

— Неужели тебе не надоело? Ведь трудно же и, главное, скучно.

Она серьёзно посмотрела на меня и нежноко рассердилась (она не любит поучать словами) отвела:

— По-моему, нужно уметь находить красоту в любом труде. А для этого нужно уметь трудиться. Когда я маленькой девочкой училась писать на пишине, мне было скучно и трудно. Музыка я любила только слушать. А потом научилась и пришла осво прелесть шёра. В Отечественную войну я работала офицером на Даль-нем Востоке.

Ведь труд тоже нужно учиться, и учиться очень упорно, настойчиво подвала в любом труде высотока капризного «не хочется».

Этим рассказом о студентке Лиде Ческовой, рассказом о любви к труду как одной из черт молодого советского человека, мне и хоте-лось откликнуться на дискуссию в «Смена».

Антонина Касаткина,

студентка Всесоюзной сельскохозяйственной академии имени Тимирязева.

РАЗВЕНЧАТЬ ПСЕВДОГЕРОЕВ

Дорогая редакция!

Я прочёл на страницах вашего журнала отчёт о дискуссии в Московском университете по повести Вл. Добровольского «Тор в серых шинелях», и мне захотелось поделиться своими мыслями, которые вызвал у меня обзор одного из персонажей повести — поэта Володы...

Мне хочется рассказать об одном случае, который долго был в центре внимания нашей комсомольской организации.

...Один из наших студентов начал пропускать занятия, занятый выполнением заданий. Его часто видели в клубах и танцзалах. Он стал хвастаться любовью к девушкам: нашей группе, часто повторял на слышанные на стороне двусмысленности, а ребята при случае спешив рассказывать салыный анекдот.

Иногда мы встречали его в компании с девушками, которые носили какие-то кожаные имена: Вава, Леда или Мара.

Наш Миша вдруг стал называть себя Жорой и носить какого-то странного покроя пиджака, пригидные для героса из спектакля Мюллера.

Сначала всё это вызвало у нас лишь улыбку, но когда мы узнали, что наш товарищ не на шутку увлёкся «западными тан-цами», сочетая их с восточными винами», нам овладело беспокойство. Сочмо собрался «треугольник» группы: комсорг, профорг и староста. Разговор был недолгим. Присутствующий «програтитель» жизни посмотрел совсем по-другому на свои «деяния».

Через несколько дней мы увидели в мар-манячке мишкиного пиджака уголок книжеч-ки е и надпись «Читальный зал городской библиотеки». Кое-кто был уже склонен трак-товать восток. Но дело было не так просто.

Однажды, мишуся в библиотеке к лекции, я увидел Лиду, стоявшую рядом с молодой-кой девушкой.

Неראה, она лёла каку-то чушь. Девушка, подлаивая его «срудини», смотрела на меня, но не отрывая глаз.

Мой рассказ об этом эпизоде вызвал бурю негодования в группе. Все поняла, что Миш-ва пришёл в читальный зал не заниматься, а как поперечному находится во власти внеш-него воздействия. Было создано экстренное комсомольское собрание. В нескольких острах и, я бы сказал, злых карикатурах наша студен-ческая газета выискала «идеально» этого товарища. Коллектив нашёл действительные меры, и он сказал свою большую долю. «Ухаживание», «дёлка» (то есть безответ-ственная) любовь противны духу нашей мо-лодежи, ибо за бытовым разложением неиз-бежно следует и политическое разложение.

Мысль о серьёзности любви подтвердилась. В. И. Ленин в его письмах к Инессе Арманд, высказывания великого Ленина о чистоте в любви и верности ей должны стать заповедью для наших комсомольцев-ленинцев.

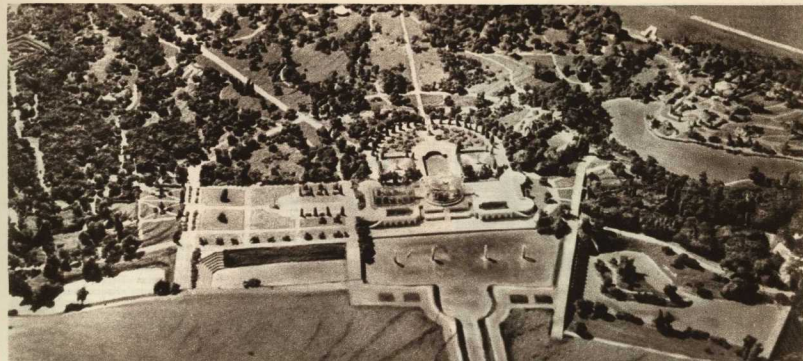
В. Бенцов,
студент Московского Высшего технического училища имени Баумана

А. Бубляк.

Утро на Куликовом поле.
(Всесоюзная художественная выставка)

«СМЕНА»

Макет Главного ботанического сада Академии наук СССР.

В. ИЛЬИНСКИЙ

ГЛАВНЫЙ БОТАНИЧЕСКИЙ...

Большие дела всегда затеваются с малого.

Это знал Петр I, призывая из Амстердама Меншикова: «Так же за погребное нахождение сада завестись... где бы как плодотворные деревья так кабы и липу и прочие и цветы уможить и продавать дабы лучше было охотников сада строить».

И за Сукаресой башней, на гряде в то время окраине Москвы, в болотах и лесах, был возложен «антекарский огород». Там стали разводить лекарственные, а затем и другие растения.

Так в 1796 году возник в Москве Ботанический сад, на 22 года раньше, чем появился первый из таких садов в Америке. В 1805 году он был передан в ведение Московского университета. Он существует и доныне. Это любимый москвичами Ботанический сад на Мещанской улице. Но давно уже он стал тесен для многозлакового населения столицы.

В 1945 году Совет Народных Комиссаров возложил на Академию наук СССР задачу — построить в Москве новый Ботанический сад. Он должен стать мировым центром ботанической научной мысли и работы, центром по введению новых культур ценных растений, по разрешению проблемы озеленения наших городов. Он возглавит научную работу других ботанических садов нашей страны. Их было 11 в царской России, теперь в 4 раза больше!

Новые ботанические сады были основаны в Ереване, Баку, Ташкенте, Киеве, Сухуми, Алма-Ате, Алмабаде, Уфе, Минске и других городах.

Все ботанические сады и учреждения Союза откликнулись на призыв президента Академии наук принять участие в строительстве Главного ботанического сада.

Главный ботанический сад строит вся страна.

Он заложен в торжественные дни окончания Отечественной войны в Останкинской заповедной дубраве.

Градиционное строительство разгорается сейчас в Останкине. Уже есть метастаи, виднеющиеся пальмовые аллеи на месте пустырей и раздольные мраморные водоемы — там, где глотают в болотной зелени лавно высокие пруды.

По генеральной планировке, Ботанический сад раскинется на площади в 400 гектаров, что составит в 4 раза больше, чем знаменитый Ботанический сад в Нью-Йорке!

Сад расчитан на 50 тысяч посетителей в день. У главного входа их встретят развнузьявшиеся напором роскошных цветников, фонтанов и бассейнов с монументальной скульптурой. Здесь же введут павильон, большой ботанический музей, учебный сад, лекторий и читальный зал.

Просторная аллея ведет к Большой выставочной оранжерее. Ее стеклянный купол блещет на солнце в отдалении. Это центр Ботанического сада.

Монументальное здание оранжереи возвышается на берегу новой системы обширных озер, вырытых из места выхопших прудов по реке Каменке. Сочетание темной зелени парка и светлого мрамора лестниц и набережных создаст редкий эффект. Последние гладких водоемов сверкают золотые бриллиантовые статуи. Фонтаны взмывают в небо массы мерцающей воды. При сильном ветре она относится на камни, осыпая брызгами газоны.

Большая оранжерея достигнет 28 метров высоты. Под ее стеклами, на площади в 2 гектара, роскошные коллекции южной флоры. Самое большое отделение — пальмовое, где собраны живые эскоты влажных тропиков Старого и Нового Света. Посетитель выйдет из оранжереи с таким чув-

ством, будто он совершил удивительное путешествие.

От оранжереи во все стороны лучистым веером расходятся аллеи, разрезающие громадный массив сада. Озера, ручьи, водоплавы оживляют парк. К берегам Большого озера, площадью в 28 гектаров, подступают исключительные по красоте растения, представляющие флору СССР.

В отделе декоративного садоводства показаны новейшие методы озеленения. Это один из интереснейших отделов. Социалистическое строительство нуждается в зелени. Яркий и душевный мир цветов, бархатные газоны, бульвары — все это входит в новый быт советского человека.

Строительство возглавляет директор сада академик Николай Васильевич Иваницкий, прославленный труженник в области отдаленной геоидризации и созданием многолетних форм пшеницы. Крупные специалисты работают под его руководством. Среди них член-корреспондент АН СССР П. Баранов, известный работами по освоению Памира, руководитель отдела флоры доктор биологических наук проф. М. Кульнисов, известный специалист по растительности Средней Азии, проф. М. Розанова, проф. А. Благотворенский и другие.

Выстремленными поднимается строительство. Уже сейчас научные работы приняла широкий размах. Созданы отделы дикой флоры, декоративной флоры и озеленения, культурных растений. Уже работают лаборатории биохимии и физиологии, защиты растений, онтогенеза, формирования и другие.

Разбиты два питомника, где ведутся изыскания по различным профилям науки; строятся две новые обширные оранжереи площадью в 6 гектаров.

В Главном ботаническом саду уже собраны богатые коллекции роз, георгин, тюльпанов, а также тропических растений — пальм, орхидей, эвкалиптов и других ценных видов. В отделе культурных растений поступили дикие предки злаков и всевозможные огородные культуры (томатов, болгарского перца, картофеля, декоративного подсолнечника и т. д.).

Послабный материал также продолжает поступать со всех концов нашей страны. Организовано 13 баз — на Кавказе, Алтае, Дальнем Востоке, Кольском полуострове, в Средней Азии, Сибири, Казахстане. В этом году 10 ботанических садов Союза собирали растения для Главного ботанического сада, доставая их в полтора раза больше, чем было предусмотрено планом.

Главный ботанический сад широко практикует обмен ботаническими ценностями. В свою очередь он снабдил своими фондами 117 организаций — советские и зарубежные ботанические сады, растениеводческие институты и их станции.

Ежегодно посылаются экспедиции для пополнения коллекции ликоростущих растений.

В 1947 году тагильская экспедиция Главного ботанического сада обследовала Таласский Алатау, его районы, включенный в труднодоступный госзаповедник Агсу-Джамбул. Она привезла в Москву 22 тысячи луковиц, корневищ и клубней, свыше 300 образцов семян декоративных растений, около 5 тысяч листов гербария.

Власть мечты так велика, что невольно видишь пахучие, как оранжереи, бульвары, высокие нарядные дома, изданы покое на белое кружево на берегах золотых прудов, на пустырях со столбами с синей надписью: «Строительство ГЭС АН СССР».

ТАЛАНТЫ
КОЛХОЗНОГО СЕЛА

Алексей Недогонов

Трагически погиб в результате несчастного случая молодой поэт Алексей Недогонов. Смерть вырвала из наших рядов полного жизни и кипучей энергии, страстного бойца советской поэзии.

Алексей Недогонов прошёл славный боевой путь вместе со своим поколением. В 1939 году он добровольцем поехал на финскую войну, где был тяжело ранен. Алексей Недогонов участвовала в Великой Отечественной войне с первого и до последнего дня. Его мужественный поэтический голос звучал со страниц армейской и фронтовой печати.

После войны Алексей Недогонов написал своё первое большое произведение — поэму «Флаг над селометом», получившую широкое признание у советского читателя. Поэма «Флаг над селометом» — одно из лучших произведений советской поэзии 1947 года.

Мы помним мягкий лиризм этой поэмы, талантливые описания советских людей, колхоза, русской природы. И за строки поэмы мы видим автора, вдохновленного, советского человека.

Алексей Недогонов принимал активное участие в работе журнала «Смена».

Трудно смириться с мыслью, что нашего друга Алексея Недогонова, отзывчивого, чудесного товарища, трудолюбивого поэта и бойца, нет в живых. Не хочется в это верить. Мы вспоминаем стихи Алексея Недогонова — и он, как живой, предстаёт перед нами.

Светлая память об Алексее Недогонове, талантливом советском поэте, долгу будет жить в наших сердцах.

Н. Асеев, П. Антокольский, И. Бауков, В. Бершадский, Г. Борисов, П. Воронко, С. Гудзенко, Е. Долматовский, В. Захарченко, М. Котов, Г. Куклин, А. Крутилин, В. Лидин, М. Львов, М. Луконин, А. Межиров, С. Нарочетов, С. Орлов, А. Оздёр, Б. Полевой, А. Прис, А. Суров, А. Софронюк, И. Сафронов, С. Смирнов, Валентин Урин, А. Шаповалов.

Русовосюный юноша с причёской на прямой пробор, а лодышек в рубашке с синими поперечными полосками, выходя из середины круга, взмахивает платком и легко притопывает: — Первая!

Крут разматывает, и девушки в пестрых сарафанах встают вперёд, чтобы горделивым и будто случайным поворотом плеча пригласить своих партнёров. Те отвечают низким, немного старомодной поклоном в, обхватив талию девушкам, выводит их на перекресток «колен» кадрили. Есть в этом робком и целомудренном приглашении к танцу что-то очень хорошее, очень радостное и светлое!

А парни с синим поперечным платком, притопывает: — Вторая! Третья!..

И сияет чистотой и очарованием юности значительная «давыдовская кадрили», родившаяся ещё полвека назад в ярославской деревне, в селе Давыдовке, и восстановленная сейчас во всей её самобытности колхозными танцорами Давыдовского дома культуры.

Яркие и самобытные таланты, подвигшие в нашей колхозной деревне, увидели мы на прошедшем в феврале в Москве заключительном смотре сельской художественной самодеятельности Российской Федерации. Бережно и любовно собирает наш народ кристаллы народного творчества, облекает их в свои танцы и песни. Вот эти «давыдовские» и «уральские» кадрили, песни дагестанской старины и саратовские переборы, языканские наигрыши и северные переборы исполнены такой бодрости, такой глубокой и чистой поэзией, что и в самом деле смотр сельских художественных коллективов был неслучайно назван праздником колхозного юбилея и колхозной культуры.

Несколько месяцев длилось в селах РСФСР это необычайное соревнование талантов. Окколо полутора миллиона человек осматривало право на поездку в Москву для участия в заключительных концертах. Деявностю тысяч сельских кружков добывалась этой чести.

Столица с радостью встречала своих гостей. Они приехали из Волги и Урала, с Дона и Кубани, из горных селений Дагестана и Кабарды, из степей Алтая и Бурятии. Певцы из Якутии проделали длинный путь на оленях, на самолетах и в поездках, прежде чем попасть в Москву. Тысячи километров проехали на пути в столицу посланцы далёкой Тувы. Среди участников смотра были колхозные бригадиры и звеньевые, трактористы и механики МТС, сельские учителя, врачи и агрономы.

На сцене Колонного зала Дома Союзом и Большого театра Союза ССР они продемонстрировали своё редкостное по красоте искусство. Заключительные концерты смотра художественной самодеятельности превратились в красочный и волнующий праздник народной песни

и пляски. Колхозные певцы и танцоры, музыканты и чемпионы показали бурный расцвет самодельного искусства на селе, выросшего в культуру советского крестьянина.

В концертах выступало 2500 участников. Очень хороши были сельские хоры и танцевальные коллективы, которым руководит сами колхозники. С задушевной теплотой и широким размахом исполнили «Песню о Ладобе» певцы колхоза «Красная шум», Мгинского района, Ленинградской области. Этим хором уже много лет руководит бригадир ошощедедческой бригады Анна Михайловна Боротилда — усердная собирающая ленинградского песенного фольклора. Большим успехом пользовался хор Чегановского колхоза-миллионера, Ивановской области, которым руководит сельская учительница Анна Сергеевна Егенова.

Певцы Осиенского районного дома культуры, Молотовской области, исполнили чудесную лирическую песню «Раз голубок» и шуточные уральские прививки. Задушевно и жизнерадостно вели свадебные плясовые песни колхозники из «Красного пахара», Курской области. Им аккомпанировал собственный фольклорный оркестр, в котором входил скрипка, губные гармошки, пастушеские рожки.

На концерте в Большом театре эти коллективы выступили совместно с огромными ансамблями объединённого хора исполнял Гимн Советского Союза и «Песню о Москве» В. Захарова.

Выступление объединённого хора, в состав которого вошли колхозные певцы из многих областей и национальных республик Российской Федерации, ярко отображала высокую музыкальную культуру колхозной деревни. Хор исполнил песню композитора К. Некрасова «Славим Родину» и русскую народную песню «Долина-радолина».

Певцы располагали в Москве очень небольшим временем для репетиционных ансамблей. Его вполне слушатели были поражены слаженностью и музыкальностью хора, который не уступал в своём мастерстве лучшим профессиональным ансамблям. Его выслушивание характеризовалось широтой, мощью и чистотой звука. Объединённым хором дирижировал народный артист РСФСР проф. А. Свешников.

С успехом выступила кубанские, доносские и оренбургские казачьи ансамбли. Казачьи колхозники из Краснодарского района, Челябинской области, сели старинную волевою песню «Оренбургский ансамбль». Ансамбль доносских казаков, в который вошли слышны четырех районов Ростовской области, показывал великолепный класс с кланками, выдержанный в стремительном темпе горячий казачьейской свхатки. Этим талантливым коллективом руководит

бригады рыболовецкого колхоза
Е. Халенко и колхозный плотник
С. Харенко.

С интересом слушали москвичи выступление национальных ансамблей танцев. Песни и танцы из Чувашии и Мордовии, Удмуртии и Якутии, из Татарской и Башкирской АССР продемонстрировали свои народные песни в Баварии, переходящие из поколения в поколение. Девушки из Горно-Алтайска исполнили чудесный «Трудной танец алтайских девушек», посвященный радости свободного труда. Шумный успех имели танцоры-джигиты из села Карган и аула Вольный, исполнившие замечательные народные танцы.

По всей Бурят-Монголии идёт слава о колхозе-миллионере «Улан-Орхерен» из Заиграевского аймaka.

Несметные отары тонкорунной овцы пасутся на землях этого колхоза в долине известия тем, что уже много лет в нём существует хоз, без которого не обходится ни одно празднество.

Хором руководит заведующий овецодельной фермы Паденеши Дондугов. Москвичи с интересом слушали своеобразные песни Бурят-Монголии, в которых народ воспевает радостную жизнь и счастье былых конюхов, ставших теперь самостоятельными хозяевами своей земли.

Сморт показывал, что в колхозной деревне бережно хранится и развивается народное творчество, найдены верные и стойкие приверженцы. Яркие рисунки танца и оригинальные мелодии, сложившиеся в народе, выразительно говорят о том, что народное искусство в колхозном селе испытывает пору бурного роста.

Основная задача общества народного творчества, участники сельской художественной самодеятельности овладевают одновременно классическим наследием прошлого.

Многочисленные солдаты, выступившие в концертах, с большим художественным вкусом исполнили выдающиеся произведения классики. Одарённым и тонким певцом показал себя участник тракторной бригады Благодарненского МТС, Старовольского края, Ефим Мануйлов, хорошо спевший романс Глазера «Сладко мне душа-солдатушка». Слёзы работников носилка Песочное, Ленинградской области, Е. Герасимова со зрелым мастерством сыграла на рояле докторица Шонена. Виолончельщик из Воронежской области П. Селюцкий артистично спел «Соловья» Алмазова.

Тепло встретили слушатели 80-летнюю чабану из села Благодарное, Старовольского края, Григория Карповича. Растроганно игравшего на пастушеском рожке. Ему аккомпанировал на аккордеоне семилетний музыкант из того же села Юра Федоров.

Редкое мастерство «двуухолодного» певца показала якутская колхозница Варвара Афанасьевна, спевшая народную песню «Благодарение вождю». С успехом выступили также народные певцы из Тувы и Бурят-Монголии.

Концерты в Москве являлись прекрасным итогом съезда сельской художественной самодеятельности Российской Федерации. Они показали, как замечательно культурно и радостно живёт наша колхозная деревня.

МОЛОДЕЖНАЯ ДОРОГА В СЛОВАКИ

*Возвращение
света*

НИТАЙСКИЕ ПАТРИОТЫ

Демократическая молодежь Китая, не жалея сил, борется за свободу и независимость родины. Сотни тысяч юношей и девушек вступили в ряды Народно-освободительной армии, народной милиции, партизанских отрядов. И в с в и в девушками-добровольцами обучаются военному делу.

ДНЁМ СТРОЯТ, НОЧЬЮ КАЗАРУЮТ

Ночным ходом идут строительные работы на железно-дорожной линии Чербыно—Джакарта в Индонезии. С рассвета и до заката тысячи индонезийских крестьян, юношей и девушек трудятся на трассе. В воздухе стоит неумолчный гул стройки. Стучат молотки и кирки, с грохотом проносятся тележки, идущие по рельсам, гудят грузовики, поднимающие шпалы и рельсы, перекачивается рабоче, время от времени раздаются окрики голландских надсмотрщиков...

Но вот что удивительно: строительство тянется уже много месяцев, а дорога всё ещё не готова. До сих пор ещё одно зерно из Чербыно ещё не попало в Джакарту.

В чём же дело? Может быть, нехватка материалов? Недостаток рабочих рук?

Причина в другом. К вечеру голландцы с удовлетворением подсчитывают, сколько сделано за день, а утром приходят и в с ужасом убеждаются, что вся работа пошла насмарку; всё, что было сделано вчера, за ночь кем-то разрушено. «Злоумышленники» обнаруживают никак не удаётся. И так изо дня в день, из месяца в месяц.

Эти «неизвестные» — не кто иные, как сами строители-патриоты. Они днём работают, чтобы добыть себе средства к существованию, и они же ночью разрушают, чтобы помешать неманым захватчикам поработить страну.

Ветераны со строительства дороги Чербыно—Джакарта — одни из героев борьбы индонезийского народа за свою свободу и независимость.

Словцкий Союз молодёжи, по примеру своего старшего товарища Югославии, Болгарии, Албании, решил построить собственными силами железную дорогу на участке Хронска-Дубрава—Баньска-Станция. В строительстве новой молодёжной дороги примет участие 4 тысячи юношей.

МОЛОДЕЖЬ КОЛОНИАЛЬНЫХ СТРАН ОБЪЕДИНЯЕТСЯ

Молодёжь колониальных и зависимых стран организуется для борьбы за демократические права за улучшение своего материального положения. Самые ёмкие молодежные демократические организации 21 колониальной страны входят в состав Всемирной федерации демократической молодёжи и Международного союза студентов.

В ИНДИИ

Средняя заработная плата рабочих—детей и подростков—на табачных и текстильных фабриках составляет 4 анны в день. Что можно кушать на эти деньги? Номер газеты стоит 2 анны, порция риса — 2 рупии, то есть 32 анны, квартара — 17 рупий в месяц, или 572 анны.

Из 5 миллионов рабочих Индии 3 миллиона не имеют работы.

ПОД ВЛАСТЬЮ КОЛОНИЗАТОРОВ (по материалам Всемирной Федерации Демократической Молодёжи)

СИНГАПУР (Малайя)

Молодые дочери получают от 1,84 до 1,88 доллара в день. Стоимость одного обеда равна 2—3 долларам.

АФРИКА

В Марокко рабочие в возрасте от 6 до 17 лет получают 15—20 франков в день, от 17 до 25 лет — 25—35 франков. Проклятый минимум, по данным Союза марокканских профсоюзов, составляет 239 франков в день. Хлеб весом в 300 граммов стоит 18 франков.

78 процентов всё молодёжи марокко безработны.

В Южной Африке 2 миллиона европеец принадлежат в 90 процентов всей пахотной земли, а

В ФАШИСТСКИХ ЗАСТЕНКАХ ГРЕЦИИ

В правительственных учреждениях Афин принята делегация молодых людей с требованием улучшить условия жизни молодёжи. «Мы голландцы!» — заявили они.

Морско-фашистское правительство Греции беспощадно

Почти все молодёжь для текстильных предприятий работала в качестве чернорабочих. Никаких преимуществ работала для неё не существует. Отработав утруженную смену, молодые рабочие остаются на вечернюю смену, чтобы наблюдать за обслуживанием станков и хотя бы таким образом приобрести квалификацию.

Лишь 7—8 процентов индийских детей посещают начальную школу.

3 миллиона африканцев — всего около 12 процентов.

В Марокко, Тунисе, Алжире более 80 процентов населения неграмотно. В Нигерии и в колониях Западной Африки число неграмотных составляет 99 процентов.

Из 150 тысяч марокканских детей школьного возраста учиться в школах только 37 тысяч детей. В Южной Африке 50 процентов школьников вынуждены бросить учёбу до того, как научатся читать и писать.

В Юго-Западной Африке затраты на образование в год на душу населения составляют: на европеяка — 97,5 шиллинга, на африканца — 1,5 шиллинга.

расправилось с предостережениями молодёжи, 18 молодых греков, участников делегации, предельно перед военным судом. Притворив был жестокой: один из арестованных, юноша Анастасиу, осужден на смертную казнь, остальные — на многолетнюю тюрьму.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ВАРШАВЫ

Активное участие в возрождении разрушенной Варшавы принимает польская молодёжь. И в с в и в с молодежно-восстановительная бригада за работой.

В МИРЕ НАУКИ И ТЕХНИКИ

При некоторых крупных научных работах порою получают своего рода «отходы», имеющие иногда большое самостоятельное значение. Так, например, случилось с замечательным клеем профессора Назарова.

Разгадывая тайны сложных и очень важных для промышленности соединений, профессор Назаров создал вещество, обладающее необычайными свойствами. При соединении им двух частей оно способно держать их крепче, чем если бы они были стянуты винтами или специальными деталями. Вещество это названо карбинольным клеем. Им можно соединить что угодно: дерево с деревом, дерево с металлом, металл со стеклом.

Клей успешно применяется при сборке различных изделий, где

он заменяет множество винтов, что чрезвычайно ускоряет и упрощает работу монтажников. Карбинольным клеем можно склеить любую деталь, подвергающуюся определенной механической нагрузке или включаемую в цепь высокого напряжения. Важно, что клей обладает хорошими изолирующими качествами. Благодаря этому он пригоден при ремонте и изготовлении радиотехнических приборов и деталей.

В результате оккупации на территории СССР привезено в легкость множество изюматоров высокой частоты и напряжения, деталей антенных установок. Клей профессора Назарова позволяет восстанавливать разрушенное с необычайной быстротой.

Карбинольным клеем очень удобно склеивать режущий инструмент.

Эта операция уже успешно применяется на заводах.

Так, например, в инструментальном цехе Московского автомобильного завода имени Сталина сборный инструмент уже давно делается при помощи клея профессора Назарова. Рабочая часть инструмента из быстрорежущей стали приклеивается к кукушке простой углеродистой стали соответствующей формы, чем достигается значительная экономия дорогостоящего металла.

На ЗИС склеиваются различные калибры, резьбы и червячные фрезы и т. д. Длительные испытания показали, что стойкость склеенного инструмента на 30—35 процентов превышает стойкость инструмента, изготовленного сплавом из быстрорежущей стали. При этом расход быстрорежущей стали уменьшается на 75—80 процентов.

Дневник пятилетия.

Л. Сорокин — Богатство Урала.
Людмила Уварова — Трудовая слава.

Сергей Орлов — Стихи.

А. Шиншур — Девушки свали лён.

П. Юрин — Великий москвич.
Мастера народного искусства (фотоочерк).

Лев Шапиро — Камень на берегу.

Александр Межиров — Песня друзей.

Семён Гудзенко — Дорога в Карпатах.

В. Лидин — Полюбит.

О молодом советском человеке.

В. Ильянский — Главные Бо-машинисты...

Юр. Добрыков — Таланты колхозного села.

Вокруг науки.

В мире науки и техники.

На первой странице обложки — «На стройке». Рисуюн художника Н. Соколкина.

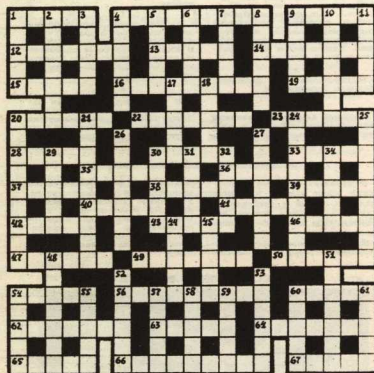
На четвёртой странице обложки — Москва, Охотный ряд. Фото Г. Борисова.

Оформление номера художником В. Урина.

КРОССВОРД

Составил А. Толмачёв

По вертикали:

1. Военное укрепление.
2. Город.
3. Сортовка.
4. Лг.
5. Материя.
6. Металл.
7. Город.
8. Город.
9. Мифический персонаж.
10. Душа умерших.
11. Сосуд.
12. Пто-от эпохи Возрождения.
13. Ограниче-ние.
14. Исследовательное право.
15. Жители.
16. Философ.
17. Поста-новление.
18. Часть обуви.
19. Овощ.
20. Поезд.
21. Профессия.
22. Знаменитый русский полководец.
23. Село.
24. Большая рыбка.
25. Непоседа.
26. Дрезина-тер.

По горизонтали:

1. Знаменитый философ.
2. Поло-жение тела.
3. Глава арабского го-сударства.
4. Кавказский порт.
5. Римский император.
6. Геогра-фический термин.
7. Итальянское ко-чьево.
8. Музыкальный инстру-мент.
9. Книг.
10. Оборон-ительное сооружение.
11. Часть ав-том.
12. Молочный продукт.
13. Пы-сатьев.
14. Предметы для су-ходоства.
15. Поход с ка-питаном.
16. Вид транспорта.
17. Слои.
18. Спортивная одежда.

1. «Хорошо».
2. «Апрор».
3. Атама.
4. Сукче.
5. Киев.
6. Ирак.
7. Ирак.
8. Ирак.
9. Ирак.
10. Ирак.
11. Ирак.
12. Ирак.
13. Ирак.
14. Ирак.
15. Ирак.
16. Ирак.
17. Ирак.
18. Ирак.
19. Ирак.
20. Ирак.
21. Ирак.
22. Ирак.
23. Ирак.
24. Ирак.
25. Ирак.
26. Ирак.
27. Ирак.
28. Ирак.
29. Ирак.
30. Ирак.
31. Ирак.
32. Ирак.
33. Ирак.
34. Ирак.
35. Ирак.
36. Ирак.
37. Ирак.
38. Ирак.
39. Ирак.
40. Ирак.
41. Ирак.
42. Ирак.
43. Ирак.
44. Ирак.
45. Ирак.
46. Ирак.
47. Ирак.
48. Ирак.
49. Ирак.
50. Ирак.
51. Ирак.
52. Ирак.
53. Ирак.
54. Ирак.
55. Ирак.
56. Ирак.
57. Ирак.
58. Ирак.
59. Ирак.
60. Ирак.
61. Ирак.
62. Ирак.
63. Ирак.
64. Ирак.
65. Ирак.
66. Ирак.
67. Ирак.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД

помещённый в № 6

По горизонтали:

1. «Хорошо».
2. «Апрор».
3. Атама.
4. Сукче.
5. Киев.
6. Ирак.
7. Ирак.
8. Ирак.
9. Ирак.
10. Ирак.
11. Ирак.
12. Ирак.
13. Ирак.
14. Ирак.
15. Ирак.
16. Ирак.
17. Ирак.
18. Ирак.
19. Ирак.
20. Ирак.
21. Ирак.
22. Ирак.
23. Ирак.
24. Ирак.
25. Ирак.
26. Ирак.
27. Ирак.
28. Ирак.
29. Ирак.
30. Ирак.
31. Ирак.
32. Ирак.
33. Ирак.
34. Ирак.
35. Ирак.
36. Ирак.
37. Ирак.
38. Ирак.
39. Ирак.
40. Ирак.
41. Ирак.
42. Ирак.
43. Ирак.
44. Ирак.
45. Ирак.
46. Ирак.
47. Ирак.
48. Ирак.
49. Ирак.
50. Ирак.
51. Ирак.
52. Ирак.
53. Ирак.
54. Ирак.
55. Ирак.
56. Ирак.
57. Ирак.
58. Ирак.
59. Ирак.
60. Ирак.
61. Ирак.
62. Ирак.
63. Ирак.
64. Ирак.
65. Ирак.
66. Ирак.
67. Ирак.

По вертикали:

1. Хинин.
2. Риска.
3. Овин.
4. Ароп.
5. Опка.
6. Авица.
7. Овин.
8. Ароп.
9. Опка.
10. Авица.
11. Кокон.
12. Варан.
13. Арап.
14. Кокон.
15. Варан.
16. Арап.
17. Бинт.
18. Агит.
19. Овал.
20. Трек.
21. Авторитет.
22. Альбер-гар.
23. Кеталор.
24. Аборлак.
25. Сваха.
26. Агент.
27. Салат.
28. Авица.
29. Овин.
30. Арап.
31. Мрек.
32. Ирак.
33. Омут.
34. Ароп.
35. Риска.
36. Овин.
37. Авица.
38. Овин.
39. Арап.
40. Авица.
41. Кокон.
42. Варан.
43. Арап.
44. Кокон.
45. Варан.
46. Арап.
47. Бинт.
48. Агит.
49. Овал.
50. Трек.
51. Авторитет.
52. Альбер-гар.
53. Кеталор.
54. Аборлак.
55. Сваха.
56. Агент.
57. Салат.
58. Авица.
59. Овин.
60. Арап.
61. Мрек.
62. Ирак.
63. Омут.
64. Ароп.
65. Риска.
66. Овин.
67. Авица.

ВЕЛИКИЙ АРМЯНСКИЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬ

14 В 1828 году профессор Дерптского университета Фридрих Паррот выехал с четырьмя студентами приезда в Армяно. Они должны были совершить восхождение на гору Арабат с тем, чтобы провнести очень важные историко-географические и метеорологические наблюдения.

Арабат считался у армян священной горой, «обитанием духов», найти проводников из местного населения Паррот было делом весьма нелегким. В числе немногих «безумцев», давших согласие отправиться русского ученого, был Хачатур Абовян. Двадцатипятилетний юноша впервые знал русский язык. Он служил профессору переводчиком. Ф. Паррот обратил внимание на замечательные способности и не по годам высокую образованность своего молодого слушателя. Возвратившись в Дерпт, Ф. Паррот добился зачисления К. Абовяна в число студентов университета. Шесть лет провел Хачатур Абовян в Дерпте. За эти годы он хорошо знакомился с русской литературой и историей, изучил философию, накопил знания в иностранных языках.

Вернувшись в родные края, К. Абовян начал широкою просветительскую, педагогическую и литературную деятельность, которая оставила глубокий след в развитии национальной армянской культуры.

В начале XIX века в Армении книжный и разговорный языки настолько отставали друг от друга, что чтение книг стало доступно только для избранных. Хачатур Абовян начал работать, он оставил богатые литературные наследия. Он писал рассказы, статьи, лекции, научные изыскания и учебники. К сожалению, для тех из его сочинений, которые лично не соприкасались с Абовяном, это стало его деятельностью в стенах университета, ибо при жизни писатель не успевал начепать ничего, что бы послужило источником научного руководства по языку.

Хачатур Абовян.

Деятельность К. Абовяна вызвала яростное сопротивление духовенства, аристократии и реакционной части интеллигенции. В своей жизни он повторил печальную судьбу многих великих борющихся народных интересов. Гонимый и преследуемый, Хачатур Абовян до конца дней своих не отступил от высказанных им убеждений. Умер он в 1848 году, так и не увидев торжества своих идей.

В литературе К. Абовян больше всего известен как автор романа «Раны Армянии». Этот роман был написан им в 1841 году, а впервые опубликован только в 1858 году. В нем нашли свое отражение события армяно-персидской войны, происшедшие в Армении и России. Красноречиво провозглашено просветительская мысль о том, что дружба с русским народом имеет для армянского народа истинно спасительные и процветания.

Мандри „СЛЕДЫ“

ПЕРВЫЙ АКТЕР РУССКОГО ТЕАТРА

4 В 1823 году в Ярославском городском суде слушалось злобоязненное дело. Мария Кирпиченкова, запов по гарнизонным своим братьям Волковым, что они губят завод их отчина Флора Пугачева. В жалобе подучивалась, что Волковы заводских людей своего подданной вольноупотреблял или себе в комедии.

Дело было решено в пользу Кирпиченковой; запов гарнизонным Волковым действительно привлачено рассмотрение уездом и поварам. Но братья Волковы мало горевали об этом, особенно старший — Флор Волков. Все его помысли было отдала театру. Селью своей жизни он уже тогда считал. Обозначив наставник русского театра, давал спектакли Ф. Волков начал еще в 1826 году, устроив спектакль с участием шуфельном амбаре двора. Играли сами братья Волковы и рабочие, которых они как жаловались Кирпиченкова, отрывали от приных обязанностей на производство.

То, что показывалось из армянской сцены, было настолько ново и необычно, что даже люди пошлящие себя, восторгались и похвалялись. Так, в 1827 году началось дело. Благодаря поддержке жителей Ярославля Ф. Волков в положительном короткой для того времени срок построил здание первого русского театра.

Случай зашел в Ярославль, елизаветинский великожа увидел Волкова на сцене, и судьба артиста, который тогда жил в Петербурге и приказали играть перед царем.

30 августа 1756 года Елизавета поднесла указ «Об учреждении Российской академии наук».

У Волкова были серьезные соперники — артисты иностранцы, уславившие русский язык.

Новорожденному театру отпустили в год всего лишь в тысячу рублей, тогда Французская трупа Серрина получала в пять раз больше.

ПОЭТ-АГИТОР

14 В 1864 году крестьянский юноша Ефим Фридрихов приехал в Петербург. С трудом он успевал поступить на историко-филологический факультет Петербургского университета. Это был первый выпуск. Но другой, более важный выпуск вылился для него участником в революционном движении.

Первые политические произведения Демьяна Бедного появились в большевистской газете «Звезда» в мае 1911 года.

В стихах и фельетонах, печатавшихся в газетах «Звезда» и «Правда» в 1911—1912 годах, нередко читателям предстал армян талантливый сатирик, поэт-трибуна и знаменитый агитатор за дело рабочего класса.

Историческая деятельность Демьяна Бедного особенно широко развернулась после победы Великой Октябрьской социалистической революции. В годы гражданской войны в Красной Армии, где он проводил разностороннюю политико-просветительную работу. Прекрасный знаток народной речи, мастер тонкого юмора, Демьян Бедный являлся продолжателем лучших традиций русской трагической поэзии. Остро и верно он высказывался в отношении контрреволюции и белогвардейцев. Его бытовая поэзия сатира и юмористические рассказы облеклись поэмками, кантатами, куплетами. В своих стихах поэт углубил и расширил традицию армян на простом, доступном им языке.

В последние годы жизни Демьян Бедный детально писал И. В. Сталина Д. Бедному от 15 марта 1924 года.

Федор Волков.

раз больше. Театр не имел своего постоянного помещения и кочевал из одного здания в другое. Материальное положение артистов было очень низким.

И если русский театр не пришел в упадок и то суровые годы, в этот громадный заслуга Волкова.

Ф. Волков был не только артистом: на нем лежало множество серьезных административных и организационных обязанностей.

4 апреля 1743 года, 181 лет назад, Федор Волков, организатор шестинадцатилетнего существования Маничского театра и оперы в несколько дней, умер.

Федор Волков — артистом-самоучкой, и только благодаря огромному таланту он превратился в одного столпа мастера и создателя первого русского театра.

Неро Демьяна Бедного с полным правом может быть приравнено к поэтам. Эти заслуги поэта советской правительством оценено на доской правительственной стенограммы, наградив его 3 апреля 1924 года орденом Красного Знамени. Демьян Бедный первым из советских писателей и поэтов удостоился этой высокой боевой награды.

Демьян Бедный.

Отчужденную войну поэт встретил в полной мобилизованной готовности. Он вновь встал в ряды свое боевое брато. Глубокий, стра-

стным патристическим чувством, ненавистью к врагу и уверенностью в победу пронизывали его стихи, и волноси к плакатам.

«Мы отразим врагов. И верю в свою победу»
Неоскружимую тишину —
Восплачет поэт в эти годы, проле дни от осени 1941 года.

Возле 31 лет служил Демьян Бедный советскому народу. «Она тверды чистей свет — мой побед еженедельной» — это Демьян Бедный писательской деятельности поэт гордо пронос до конца своего жизненного пути.

Демьян Бедный скончался в больнице в мае 1948 года.

(14) апреля исполняется 65 лет со дня его рождения.

«ЧЕЛОВЕК С ЛУНЫ»

14 Когда Николай Николаевич Милухо-Маклаков сошел с Русского корвета «Витязь» на берег Новой Гвинеи, он увидел дикорослый, брошенную жителей, человеческий череп в одной из ямы, предостерегающе смотревший своим зловещим взглядом на отважного путешественника. «Витязь» стоял бесподобно, и с ним можно было вернуться. Но Милухо-Маклаков остался — первый белый человек на берегу залива Астробини...»

Напугавшись по формально опыту своим современником знания, как белые люди относятся к туземцам. Поэтому одиноким русскому, оказавшемуся среди напугавших, следовало ожидать самого неприязненного отношения. Но Милухо-Маклаков сумел найти правильную тактику поведения на берегу Новой Гвинеи. Он пошел себе очень осторожно и скоро стал лучшим другом туземцев. Туземцы, на верю, что путешественник пришел из страны родины, относились к «человеку с луны» Милухо-Маклаков, однако, много рассказывали своим новым друзьям о жизни в отдаленном приходе. Он подынял им семена ослепшего человека, который когда много десятилетий спустя в

Ленино и в начале 1920-х годов, когда много десятилетий спустя в

И. И. Милухо-Маклаков.

залив Астробини звали русский корабль, моряки. Удивительно услышали на берегу звука родной речи. Много и писали, но совершенно правильно напугавшись говорили «зубу», «зону», «иша» и т. п. Ленин и писали, что путешественник, ставший знатоком туземцев, остался тщательнее хранились, как память о «человеке с луны», как знак того, что он еще вернулся.

Вспомогательные исследования Милухо-Маклаков провизии по предвизии исследования жителей Новой Гвинеи. Эти работы ученого и опережая утверждения, что было лишь делится на выкладки и выкладки. Русские исследователи неоспоримо доказали: все человечество является единым народом «человека с луны».

Мадридарный неопытный труд в полной мобилизованной готовности. Он вновь встал в ряды свое боевое брато. Глубокий, стра-

А П Р Е Л ь

